

Прими новый день

12+

Людмила Лаврова

Людмила Лаврова

Прими новый день

«Автор»

2022

Лаврова Л.

Прими новый день / Л. Лаврова — «Автор», 2022

Новый день, новая жизнь, новая реальность... Звучит вдохновляюще и немного страшно. Каким он будет, этот день? Это каждый для себя решает сам. Когда мы говорим себе, что с этого дня все пойдет по-новому, это значит, что пришло время перемен. Кто-то начинает худеть с понедельника, а кто-то и вовсе новую жизнь. Новый день - это новые решения. И именно от них зависит, кем станешь ты в этом дне. Что принесешь в этот мир - плохое или хорошее. Этот сборник о простых людях. Об их жизни. Об их решениях. Здесь нет выдуманных персонажей или сюжетных линий. Все герои - это реальные люди. Изменены только имена и какие-то мелочи.

© Лаврова Л., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Девоньки мои	5
Не работай страусом!	12
Фима, не включай паровоз! Я в порядке!	19
Сбрось скорость перед поворотом!	25
Матренин дом	30
Прими новый день	36
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Людмила Лаврова

Прими новый день

Девоньки мои

– Саша, Саша! Родила! Ниночка родила! – Валентина, запыхавшись, остановилась возле мужа, который протирал машину во дворе.

Александр Матвеевич замер и почему-то шепотом спросил:

– Кто?

– Девочка! Господи, Саша, ты теперь – дед, а я – бабушка! – Валентина расплакалась и обняла мужа. – Счастье-то какое!

– Хорошо...

Александр Матвеевич был рад, конечно, внучке. Первой внучке. Но, в глубине души, даже после того, как дочь сказала, что УЗИ показало – будет девочка, он надеялся, что родится мальчишка. Внук. Будущий мужчина и наследник.

Иметь внука – было его самой заветной мечтой.

– Что с девчонками делать? – рассуждал он. – Ни на рыбалку, ни под капот, ни в мячик погонять. Косички-бантики да куклы.

Валентина мужа в чем-то понимала. Судьба, словно посмеиваясь, наградила их подряд тремя девчонками. Дочки получились хорошие – умницы-красавицы. Да только вот... девочки – девочки. Как отец не пытался хоть немножко их приобщить к своим любимым занятиям, вроде рыбалки, девчата только отшучивались.

– Пап, ну какая рыбалка? Ты хочешь, чтобы я там опять визг устроила и всю рыбу тебе распугала? – смеялась старшая, Ниночка.

– А, я тебе кукурузку дам, будешь на нее ловить, а не на червя? И рыбу буду сам с крючка снимать? Нинок, поехали, а?

– Папуль, я тебя очень люблю, но я лучше маме помогу. Она вон пельмени затеяла, а девчонки же не дадут, будут лезть. Так что я ей нужнее дома. – Нина обнимала отца, а тот только вздыхал. Эх, парня бы, хотя бы одного!

Саша и Валя учились вместе в школе. Через год после окончания, когда Саша вернулся из армии, – поженились, а еще через два появилась первая дочка – Ниночка. Бабушки и дедушки с двух сторон, бездетная тетка отца – нянек хватало и через два года родители не задумываясь «сходили» за второй дочкой.

– Вот и хорошо! – покачивая на руках после выписки следующую внучку, сказала свекровь Валентине. – Разница маленькая, дружить будут. А помочь – всегда поможем, только позовите.

И Валентина только благодарно кивнула, принимая из рук свекрови, которую давно уже звала «мамой», маленькую проголодавшуюся Машку.

Свекровь Вали, по какой-то иронии, была обладательницей сразу трех сыновей и, как не мечтала, так и не смогла родить дочку. Поэтому, когда Саша объявил, что тихая, спокойная Валечка, которую она знала чуть ли не с детского сада, будет его женой – Антонина Ивановна расплакалась:

– Сынок, лучшего подарка и придумать нельзя! Дочка у меня теперь будет.

То ли не вредный характер свекрови, то ли дружба, сложившаяся еще до свадьбы детей между матерями, то ли Валино олимпийское спокойствие, что помогло – сказать сложно, а только жили семьи душа в душу.

Родители Вали спустя какое-то время, перебрались в деревню, чтобы ухаживать за стариками, бабушкой и дедом Вали, которые наотрез отказались уезжать из родного дома. И, как могли, обеспечивали детей и сватов всем, что росло в саду-огороде и бегало по двору, кудахча, крикая, а когда и хрюкая.

Благодаря помощи родителей и свекров у Саши с Валею было время и в гости сходить, и в кино сбегать, и на танцы когда-никогда. Быт не заедал, дети росли здоровыми и счастливыми, бабушки и дедушки воевали, кто возьмет к себе на выходные, оставалось время на себя...

Словом, когда Валя узнала, что беременна третьим ребенком – все, несмотря на сложное время, в один голос сказали: «Рожай!» и она, втайне мечтавшая обрадовать мужа сыном, «пошла» за третьей, как оказалось, дочкой.

Ниночка, Маша и Леночка.

«Мое тройное счастье, девоньки мои», как называл их папа. Дочки стали для него смыслом всей жизни. Для них он жил, работал, старался сделать так, чтобы девчонки ни в чем не нуждались. Жили небогато. Не очень разбежишься на зарплату медсестры и водителя-дальнобойщика. Но, Валентина хорошо шила и девчонки никогда не выглядели хуже других, а Александр сделал все, чтобы его взяли на дальние рейсы и неплохо зарабатывал, хоть и не нравилось ему отсутствовать дома так долго.

Был у Саши талант, который до поры до времени, давал ему только спокойствие в дороге. Любая машина, которая попадала к нему в руки, даже если была в неважном состоянии, через какое-то время начинала бегать «бодрой лошадкой». Не было двигателя, который бы Саша не смог собрать-разобрать и заставить подумать над своим поведением. В какой-то момент, это заметили сначала техники на автопредприятии, а потом и один из директоров. Он-то и предложил Саше уйти к своему сыну, в частный автосервис. Теперь Александр смог больше времени проводить дома, да и деньги, пусть и небольшие, появились. Жить стало легче.

Девчонки росли очень разными. Спокойная, домовитая Ниночка, которая была так похожа на маму, без особых проблем закончила школу, поступила в техникум, и окончив, устроилась работать в кондитерскую по профессии. Нинины торты и пирожные, которые она, как музыку сочиняла, пользуясь полной свободой, которую предоставила ей хозяйка кондитерской, раз попробовав «произведение» талантливой девочки, пользовались огромной популярностью в городе. Все знали, что, если хотят заполучить особенный торт к торжеству, нужно занимать очередь чуть не за месяц. А уж свадебные торты, которые были подлинными шедеврами и над которыми Нина колдовала часами, выгнав всех из специальной комнаты в кондитерской, которую оборудовали как раз для этих целей, молодожены приходили «столбить» чуть ли не раньше, чем подавали заявление в ЗАГС.

Валя даже как-то предложила дочери:

– Может быть тебе свою кондитерскую открыть? Мы с папой поможем. Прабабушкина квартира стоит, деньги будут на первое время.

– Нет, мамочка, не хочу. Это бумажки, беготня, там одних проверок миллион в месяц. А так, меня все это не касается, я могу заниматься любимым делом. Да и Света меня не отпустит, ты же знаешь, она сделает все, чтобы только я была довольна.

Светлана, которая давно уже стала для Нины не начальницей, а близкой подругой, действительно быстро разглядела, какое сокровище ей досталось. Она прекрасно знала, что ее бизнес, который рос и развивался, во многом зависит именно от Нины. Пока та не появилась, у Светы была маленькая кондитерская в одном из районов, дохода от которой хватало только на покрытие самых необходимых расходов. Света понимала, что не хватает «изюминки», чего-то такого, что будет только у нее и больше нигде. Вот это и смогла обеспечить Нина. Да от одних ее эклеров начисто отшибало всякое чувство меры, а уж остальное... Упаковывая очередную коробку с пирожными, Света только довольна улыбалась, понимая, как ей повезло.

Скоро у Светланы была целая сеть кондитерских и кафе, которая широко раскинулась по области. Она не боялась рисковать и была от природы прекрасным организатором. Может быть, именно поэтому, пару лет спустя, она предложила Нине войти в долю. На удивленный отказ, который мотивировался тем, что Нина ничего не вкладывает в дело финансово, Света решительно возразила:

– От тебя мне ничего не надо! Только твои руки, голова и талант. Я же понимаю, что если ты будешь дальше только наемным работником, то в какой-то момент можешь сказать мне: «Адью!». А так, куда ты денешься? – рассмеялась Светлана и, уже серьезно, добавила, – подумай хорошо, я дело говорю!

Нина и подумала, посоветовалась с родителями, да и согласилась. А спустя еще год, Светлана познакомила ее со своим двоюродным братом, который перебрался в их город после окончания вуза, поближе к родне, так как родители ушли один за другим, и Алексей остался совсем один. Полгода спустя Нина с Алексеем поженились и на их свадьбе, Света, обняв подругу, шепнула:

– Все! Попалась окончательно! Теперь мы еще и родственники! Так что сам Бог велел нам, Нинка, быть вместе!

Нина до последнего дня работала и даже в роддом ее увезли прямо из кондитерской, а она не переставала сокрушаться, что не успела доделать торт, заказанный на очередную свадьбу.

– Нинка, ты сумасшедшая! У тебя помощников куча, что они не справятся? Ты же сама каждого выбирала! Ну и все! Иди, рожай спокойно! – Света со смехом помахала Нине, выходя из приемного отделения.

Через месяц после родов Нина начала появляться на работе и, пока маленькая Варька тихо сопела в переноске, мама уже творила. Новым проектом Нины стали сладости для малышей и кормящих.

– Что мы, не люди что ли, да, Варька? Ну, тебе-то пока рано, а вот годик исполнится – я тебе такой тортик сделаю! И себе! Чтобы и вкусно, и полезно! – приговаривала Ниночка, подмигивая проснувшейся дочке.

Словом, жизнь у Нины складывалась тихо-мирно, чему и она, и родители были несказанно рады.

Совсем не так обстояло дело у Маши. Она из всех девочек была самой умненькой и от всей души любила математику. Закончив школу с золотой медалью, она твердо решила ехать в Москву и поступать в университет. Валентина с мужем переглянулись, когда она сообщила им о своем решении и кивнули:

– Учись, дочь! Если есть талант – нельзя его закапывать!

Валя потом не раз думала, может быть не надо было отпускать? Запереть, оставить рядом... Выучилась бы и здесь. Но, что толку было охать, дело было сделано и Маша уехала. С легкостью сдав вступительные экзамены, она стала студенткой. Общежитие, студенческая жизнь... Маша чувствовала себя в своей стихии. Пристроившись работать на кафедре, она с головой окунулась в учебу. К третьему курсу талантливую студентку заметили и Маша уже начала робко мечтать, какое будущее у нее будет и как она сделает научную карьеру, став, например, профессором. Все ухнуло в пропасть февральским вечером, когда Маша, задержавшись на кафедре, уже собиралась домой. Все разошлись, в коридорах стояла гулкая тишина и Маша, тихо напевая себе под нос любимую песню отца, наматывала на шею шарф, когда дверь открылась и вошел один из аспирантов. Маша мало его знала, так виделись пару раз. Помнила только, что зовут его Вадим и при первой встрече она подумала: «Симпатичный». Девчонки в общежитии сказали, что отец у Вадима прокурор, а мать – одна из преподавателей на другом факультете в их же университете.

– Привет! А ты что, одна?

– Здравствуйте. Да, все уже ушли. Я тоже уже ухожу. – Маша сделала шаг к двери. – До свидания!

– А куда ты так спешишь? – Вадим повернул ключ в двери и положил себе его в карман. – Давай пообщаемся!

Маша кинулась к окну и дернула на себя створку. Вадим рассмеялся.

– Не стоит! Там все давно заколочено. Да и этаж! Считать-то ты точно умеешь. И вообще, мягкость и внимание облегчают понимание, Мария. Не стоит сопротивляться, тогда, может и приятно будет.

Маша отбивалась, кричала, но ничего не помогло. Она лежала на полу, глотая злые слезы, когда Вадим открыл дверь и вышел, бросив:

– Ничего особенного! Зря только время потерял.

Маша пролежала так долго, почти до полуночи, а потом все-таки встала и, спустившись вниз, попросила охранника открыть дверь. На следующий день, она собрала вещи и уехала домой, забрав документы. Валентина ничего не поняла сначала, когда увидела на пороге Машу, обрадовавшись, что та приехала погостить. Но, еще один внимательный взгляд на дочь и Валя сжала кулаки:

– Доченька, что?

– Не надо, мам, не спрашивай... Можно мне горячего чаю с твоим вареньем? – Маша вдруг осела в руках у матери и потеряла сознание. Стресс обернулся двумя неделями, в течение которых сначала Валя, а потом и врач никак не могли понять, почему держится температура и организм как будто отказывается функционировать нормально.

– Я такое первый раз вижу. Молодая девочка, организм должен бороться... – качала головой врач. Она готова уже была отправить Машу в больницу, как вечером приехала Нина, оставив новорожденную дочку на мужа. Зайдя в комнату к сестре, она плотно закрыла дверь, кивнув маме, чтобы не мешали.

Нина легла рядом с сестрой, крепко обняла ее и просто молча гладила ее по голове, тихонько покачивая и напевая все песни, которые могла вспомнить из их детства. Спустя полчаса Маша, наконец, расплакалась и на вопрос сестры, рассказала все как есть, не назвав только имени и попросив ничего не говорить родителям. А спустя еще час, Нина, сменив футболку, потому что ее была насквозь мокрой, сказала:

– Машка, кто бы это не сделал – он... слова-то такого не придумали еще... Бог его накажет. Вот посмотришь! Зло всегда возвращается к тому, кто его сотворил. Пусть не сразу, но вернется. А у тебя сейчас есть выбор. Дать ему закопать тебя окончательно или жить, чтобы посмотреть, как его раскатает.

– А ты уверена, что раскатает?

– Да на все сто! – Нина понимала, что сейчас надо услышать сестре и готова была клясться как угодно, лишь бы она ей поверила. – Вот посмотришь! И вообще – не дождется! Чтобы ты из-за него...

– Не дождется... – тихим эхом отозвалась Маша.

Она так и не узнала, оборвав все связи со своим московским прошлым, и закрыв навсегда для себя эту тему, что год спустя Вадим шел поздно вечером домой и во дворе собственного дома его сбила машина. Шансов выжить у него не было. Водителя так и не нашли. Была ли это случайность или кто-то поквитался так с ним, ведь Маша была не первой и не последней, – кто знает. Нина бы удивилась, услышав, что ее «пророчество» сбылось так быстро.

А спустя месяц Маша сидела в кабинете у врача и пыталась вникнуть в услышанное:

– Беременность будет сложная. Анализы ваши мне не нравятся.

– Я не хочу сохранять...

– Подумайте. Я хочу вас предупредить, что с вашими проблемами, огромная вероятность, что детей вы иметь больше не сможете.

Маша кивнула:

– Я подумаю.

Она вышла из кабинета, чувствуя, как земля уходит из-под ног, которые стали такими тяжелыми, что передвигаться стало почти невозможно, и присев на стул в коридоре, набрала Нину.

– Буду через пять минут. Жди!

Они сидели в скверике, возле женской консультации. Нина слушала сестру и понимала, что ближайшие пять минут решат жизнь, не только Маши, но и всей семьи. Разве может быть счастливым кто-то, когда самым близким и любимым плохо?

– Машка, это только тебе решать, чего ты боишься больше. Родить этого ребенка или не родить других. Противно тебе? – Нина посмотрела на сестру.

– Не знаю. Нет, наверное... Нет. – уже твердо сказала Маша. – Я не знаю, как сказать, но чувствую, что он мой, только мой. Я только боюсь...

– Чего?

– Вдруг я его любить не смогу? Вдруг похож будет на него, а я буду смотреть и ненавидеть... – Маша горько расплакалась.

– Машка, я тебе сейчас одну вещь скажу, только очень между нами, хорошо? Не поймут же... А, ты, мне кажется, поймешь. Я, когда Варьку родила... вот не поверишь, вообще ничего не чувствовала поначалу. Нет, я понимала, что это мой ребенок, долгожданный, желанный, но держала на руках и ничего...

Маша удивленно уставилась на сестру:

– Ты что такое говоришь?

– То и говорю. А толкнуло меня только тогда, когда Варьке уже почти три месяца было и у нее температура поднялась ни с того, ни с сего. Она орет, а я не знаю, что делать. «Скорую» вызвала и плачу сию, держа ее на руках. И вдруг она замолчала. Резко. Больше часа кричала как резанная и, вдруг – тишина. Того страха, который меня тогда укрыл, я в жизни не забуду. А потом присмотрелась, а она спит. Тихо-тихо сопит, почти неслышно. Живая моя девочка! И вот в этот момент я поняла, что она моя. И, не просто моя, она часть меня. Как рука или голова. Нет, даже не так... Как та часть, без которой я не смогу уже жить, дышать, существовать не смогу. Не сердце, душа скорее. Лешка тогда Варьку отобрать у меня не мог, чтобы врач ее осмотрел... – Нина улыбнулась. – Я его чуть не пришибла. И даже на секунду не подумала тогда, что он ее отец. – Нина рассмеялась. – Хорошо, что врач опытный попался, успокоил и его, и меня.

Нина замолчала и, откинув голову, прищурилась на солнце.

Маша сидела, замерев и слушая, как возятся в кустах воробы, что-то сердито деля.

– Нин..

– А?

– А если у меня вдруг крышу сорвет после родов?

– Поправим и на место приколотим! Не дрейфь, сестренка, прорвемся! А если серьезно... Маш, если поймешь, что вот совсем никак – ты не молчи, хорошо? Я этому ребенку тоже не чужая. Он же не виноват ни в чем... Не виноват в том, что вот так получился...

– Тогда буду рожать...

Нина потихоньку перевела дух и обняла сестру:

– Все будет хорошо! Все плохое уже случилось, так что теперь точно будет хорошее.

И все же, Маша облегченно выдохнула, когда узнала, что будет девочка. Почему-то ей от этого стало немного легче.

Родители восприняли новость спокойно. И ни разу потом не задав дочери ни одного вопроса про отца Оли, каким-то шестым чувством понимая, что не надо об этом даже упо-

минать, они просто приняли новость как факт, не понимая, что тут можно обсуждать. Детей просто надо любить. Этим они жили всегда и не понимали, как можно иначе.

А тогда, Александр обнял дочку и сказал:

– Вырастим! Наш ведь будет!

– Или наша... – улыбнулась сквозь слезы Маша.

– И ты туда же! Не дождусь я пацана от вас, да? – Александр прижал к себе дочку и поцеловал в макушку.

Внучку гордый дед на выписке не доверил никому.

– Вылитая ты, Валюшка! Нет, ты посмотри, даже нос твой! Ну, или Машкин, они у вас одинаковые!

Маша, посоветовавшись с родителями, назвала девочку Ольгой, в честь прабабушки со стороны отца, потому что в честь прабабушки со стороны мамы, была названа Варвара, которая лихо пускала пузыри, сидя на руках у мамы и разглядывая многочисленную родню, которая явилась на выписку.

Спустя пару месяцев Маша, гуляя с сестрой, поделилась:

– Не знаю, Нинка, как бы я жила без нее. – Маша поправила одеяло в коляске. – Спасибо тебе...

– Да мне-то за что... Маш, а ёкает? Ну, когда на руки берешь, когда кормишь?

– Да не то слово! Как ёкнет, так потом изжога на весь день! – рассмеялась сестра. – А если серьезно, то да, Нин, моя она. И я не жалею... Уже нет. Пусть так, зато теперь мне есть для кого дышать.

– Ну, и замечательно! Таааак, две у нас уже есть. Интересно, у Ленки пацан получится? Спорю, что нет!

– Даже спорить не буду! – расхохоталась Маша и Нина облегченно выдохнула.

Сестра стала похожа на себя прежнюю. На ту девочку, которая при всей своей внешней серьезности, могла сотворить что-то такое, от чего мама и, даже выдавший виды отец, только бледнели и даже ругаться могли через какое-то время. Как тогда, когда Машка, «рассчитав» силу тяготения, сиганула с зонтиком с крыши беседки во дворе. Зонтик сломался, Машка отбила себе колени и ладони, приземлившись на кучу гравия, а папа почти сутки молчал, а потом всыпал ей хорошенько, наказав учить физику, до которой было еще несколько лет в школе.

– Берешься за эксперименты, так готовься как следует!

Маша, пару дней поев стоя, затеялась изобретать машину времени, и мама, выдав ей старый будильник, только тихо сказала Нине:

– Присмотри за ней, чтобы правда в прошлое не ушла, а то мало ли!

Спустя год после рождения дочки, Маша восстановилась и оформила перевод в местный вуз, а закончив, получила-таки со временем свою ученую степень. Она преподавала в том же вузе, который окончила, открыв в себе удивительную способность объяснить самое сложное простыми словами любому студенту.

Лена деда внуком тоже не порадовала. Зато, порадовала сразу двумя внуками, родив двойню. Валя хохотала до слез, глядя на растерянного мужа, который держал на руках сразу двух пухлых девчонок в розовых комбинезончиках, сшитых заботливой бабушкой.

Леночка из всех сестер была самой тихой. Но, как говорила мама, «в этом тихом омуте»... Лена никогда не спорила, не возражала, просто, донеся, как получалось, свою точку зрения, делала так, как считала нужным.

Так было в детстве, когда она, сама, подойдя к преподавателю музыки, записалась в школьный хор, а потом узнав, как поступить в музыкальную школу, взяла за руку маму и отвела ее туда:

– Я не могу сама, без взрослых меня не возьмут! И мне нужно пианино. Рояль ставить некуда.

Так было, когда на просьбу отправить ее на конкурс в Москву, преподаватель сказал, что она недостаточно готова, и Лена, практически не вставая из-за инструмента, через месяц сыграла на промежуточном экзамене так, что этот самый преподаватель аплодировал ей стоя и уже без колебаний заявил ее на конкурс, который она выиграла.

Так было и тогда, когда она, окончив консерваторию и устроившись работать в местный театр, привела знакомиться с родителями будущего мужа.

– Это Эдуард. Мы решили пожениться.

– Можно просто Эдик, – щуплый, нескладный молодой человек с неуверенностью и даже страхом смотрел на родителей Лены.

Валентина внимательно оглядев «кавалера», усадила того за стол и, подкладывая самые лакомые кусочки, через полчаса выяснила, что Эдик сирота, играет в оркестре на скрипке и любит ее дочь так, что «не может дышать без нее». Валя, подперев рукой щеку, слушала и про себя думала, чем же кормить этого «зятя», чтобы на костях, которыми он чуть ли не гремел,росло бы хоть немножко чего-нибудь еще.

А спустя три года, молодой, плечистый мужчина, в котором не узнать было того тщедушного паренька, разгружая багажник машины, отбирал тяжелые пакеты у тещи:

– Мам, ну что ты в самом деле! Я сам отнесу! Давай, я быстренько! А то мне Ленка задаст! Я обещал с дочками погулять, пока она убраться будет.

А несколько лет спустя, на берегу тихой речки в деревне, откуда родом были родители Валентины и где до сих пор стоял крепкий родовой дом, в рядок сидели четыре девчонки и Александр.

– Дед! – тихо позвала Варвара.

– Ммм?

– Уже жарко, клевать перестает. Пошли, в футбол сгоняем, пока бабушка завтракать не позвала. А то потом не пустит. Она грозилась сегодня нас учить пирожки лепить.

Вся девичья компания хором застонала.

– А ты обещал сегодня научить «свечи» менять! – возмущенно протянула Ольга. – Надувательство какое-то! Где «свечи», а где те пирожки!

– Цыц! Бабушке тоже помогать надо! – шикнул на них дед, тихо улыбнувшись в усы. – Сматывайте удочки и пойдём. У нас еще полчаса точно есть.

Близняшки молча смотали удочки и встали рядышком, глядя на деда.

– Ну, а вы что скажете?

– Пирожки – это часа на два, а потом будем мормышки делать, ты обещал!

– Точно! И червей на завтра накопать надо, на хлеб так не клюет!

– Да, как скажете! – Александр Матвеевич прислушался и махнул рукой. – Бросайте все, а то не видать нам футбола! Бабушка уже на тропу войны вышла. Вон уже зовет. Успеём до поля добежать – даст поиграть минут десять.

Девчонки взвизгнули и припустили по берегу речки к футбольному полю, которое было на краю деревни, рядом со школой. Александр посмотрел вслед внукам с их прыгающими по плечам растрепанным косичкам и добродушно пробурчал:

– Пацан-пацан... Куда тем пацанам до этих красоток! Девоньки мои...

Варя обернулась и махнула деду, сердито топнув ногой:

– И чего ты стоишь? Вон бабушка уже идет!

Валентина, приложив ладошку к глазам, разглядела на берегу мужа и, рассмеявшись, махнула рукой в сторону поля.

– Ну вот, теперь и полчаса есть! – довольно улыбнулся Александр и зашагал вслед за внуками.

Не работай страусом!

– Анечка, где ты сейчас? Маме совсем плохо, она тебя ждет!

Голос у отца звучал глухо, как будто издалека. Аня сжала телефон:

– Папа, я уже в аэропорту, бегу на выход. Папа, держись, я буду через час. И держи маму, прямо за руку держи, не дай ей уйти!

Аня неслась к выходу, не разбирая дороги, иногда прокладывая себе путь локтями. Легкая сумка-рюкзак колотила по спине. Скорее! Она должна успеть!

Как же злилась она на отца сейчас! Почему промолчал, почему не сказал раньше?!

О том, что у жены плохой прогноз, Иван Леонидович узнал месяц назад. Хотел было сразу позвонить детям, но Любовь Валентиновна была против:

– Ванечка, ну что их дергать? Анюта с Алиночкой занята, ей и так тяжело. А Юра на работе. Приедут и что? Будут сидеть возле меня? Не хочу! И вообще, нечего меня раньше времени оплакивать. Давай-ка, лучше чемодан собирай!

– Любаша, ты что придумала?

– Я хочу на море! Пока еще я могу, пока еще чувствую, хоть что-то, кроме боли. Поедем, а? Помнишь, как мы с тобой за Анюткой ездили? – Люба рассмеялась. – Вот туда же и поедем.

Две недели они провели на юге. Тихонько гуляли по набережной, сидели в кафе, дышали осенним воздухом. Погода порадовала. Яркое солнышко, синее море. Любовь Валентиновна замирала, глядя на снующие по заливу яхты, детвору, которая готовила суденышки к соревнованиям, проходящим в это время в Геленджике. Вокруг кипела жизнь и она была немножко к ней причастна. Деятельной, суетливой, бесшабашно-веселой.

– Подержите, пожалуйста! – мальчишка лет десяти-одиннадцати вручил ей весло и нагнул, чтобы зашнуровать кроссовок. С ветровки капала вода, волосы был взъерошены. – Спасибо большое!

Мальчуган забрал из рук Любы весло, задорно подмигнул и бросился по набережной догонять свою группу.

– Такие забавные! Маленькие, а уже яхты водят. – Люба смотрела вслед мальчугану. – Что-то устала я, Ванечка, пойдем-ка в гостиницу.

Они дошли до отеля, где остановились, и поднялись в номер.

Иван Леонидович смотрел, как спит его жена и плакал. Тихо, чтобы не потревожить, чтобы не услышала.

Они познакомились, когда ему было двадцать пять, а Любаше исполнилось двадцать. Молодой перспективный летчик и студентка педагогического института. Свадьба, дети, жизнь... Хорошо жили, как говорят – «душа в душу». Вот только... мало! Как же мало!

Иван Леонидович смахнул слезы и тихонько вышел из номера.

– Девушка, милая, где тут у вас цветы можно купить и есть ли рядом кондитерская?

Через час Люба открыла глаза и ахнула:

– Ванечка, какая красота! – в вазе, на тумбочке, стояли ее любимые белые розы. – О, и вкуснота! Ваня, корзиночки! Мои любимые! Спасибо, дорогой!

Они пили чай, сидя на балконе и любуясь на закат.

– Ванечка...

– Что, родная?

– Я хочу, чтобы ты меня сейчас послушал и не перебивал.

– Хорошо.

– Когда меня не станет...

– Люба!

– Ты обещал! Слушай! Так вот, когда это случится, я хочу, чтобы ты не работал страусом.

Они улыбнулись. Это была старая шутка. Их шутка. Когда-то, думая о переводе в другой экипаж, Иван задумался и уже готов был отказаться от повышения, так как не хотел перемен. И вот тогда Люба ему сказала:

– Не работай страусом! Или всю жизнь просидишь под одним кустом, на одном месте. Хватит прятать голову в песок! Подними ее повыше и шагай подальше!

С тех пор, на любое сложное решение, они друг другу напоминали:

– Не работай страусом!

– Ну так вот! Живи дальше! Не замыкайся в себе, не сиди на одном месте. Вспомни все, что ты хотел сделать, когда появится время. Сделай! Не садись рядом с Аней. Я знаю, что ты поедешь к ней, будешь помогать с Алиночкой. Все правильно! Но, не садись с ней рядом в своем горе! Ей нужна будет поддержка, утешать тебя сил у нее просто нет. Держи ее! Ты сильный, ты справишься! И еще... Ванечка, когда пройдет время, ты сам поймешь, когда... Ты посмотри по сторонам... И я буду, где-то там, очень рада, если ты не останешься один, а рядом будет человек, который тебя поймет и примет таким какой ты есть. – Любовь Валентиновна улыбнулась. – Ох, и повезет же ей!

– Любаша!

– Все, ничего не говори, просто запомни, что я сказала, хорошо? Обещай мне!

– Обещаю, родная, обещаю! – Иван взял руку жены, которая стала уже совсем прозрачной, легкой и поцеловал.

Анна сидела в такси и мысленно подгоняла сама не зная кого или что. То ли машину, то ли водителя, то ли дорогу, то ли того, кто там, наверху, наблюдал за этим миром.

«Пожалуйста! Мне бы только успеть!»

Холодный дождь со снегом лупил по окнам машины, заливал лобовое стекло.

– Погода разгулялась, давно такого не было! – водитель пытался удержать машину на поворотах, но Аня чувствовала, как колеса скользят по наледи.

Наконец, они остановились у больницы.

– Спасибо!

– Здоровья вам и близким! – водитель сочувственно улыбнулся и тронул с места.

Аня бежала по коридорам, пытаясь отыскать нужное отделение. Быстрее! Успеть!

Палата... Так страшно зайти, увидеть... Аня выдохнула и открыла дверь:

– Мапочка!

– Анята...

Аня смотрела на маму и почти не узнавала ее. Этот седой легкий ангел ее мама? Она взяла в руки мамины ладони.

– Ты приехала... Ванечка, принеси мне попить, пожалуйста...

На тумбочке стояла полная бутылка воды, но Иван Леонидович покорно вышел из палаты.

– Анята! Слушай меня! Я люблю тебя, больше жизни люблю тебя и Алиночку! Прости, что мало помогала...

– Мама, да ты что! Только ты и была рядом, ты да папа!

– Слушай меня... тяжело говорить... Папа! Папе будет очень плохо, очень сложно, я знаю. Аня, обещай мне, если он кого-то встретит – ты дашь добро и поддержишь его!

– Мам, обещаю!

– Берегите друг друга! Все вы! Юру обними за меня! А сейчас иди, иди, позови мне папу и посиди в коридоре. И шапку сними, она вся мокрая, простынешь...

Аня до крови закусил губы и вышла из палаты.

Иван Леонидович сидел на стуле очень ровно, глядя прямо перед собой. Аня подошла и стиснула его плечо:

– Пап, она зовет тебя. А где Юра?

– Прилетит завтра. Дела какие-то у него.

Отец наклонил голову, прижался на секунду щекой к руке дочери и встал.

– Посиди здесь.

Любовь Валентиновна ушла ночью. До последнего ждала сына, держалась. Юра приехал только к обеду следующего дня.

Печальные хлопоты... Потом несколько месяцев, пока улаживались дела с продажей квартиры и покупкой новой, в другом городе, рядом с Аней.

– Деда, а мы сегодня в парк или на качели?

– Мама сказала, что в парк, Алинка, поэтому туда. Мы орешки взяли?

Внучка деловито протопала к коляске и пошарила в кармашке.

– Вот! – в руках у нее был пакетик с орешками и семечками.

– Отлично! Белочки тебя теперь точно будут рады видеть! Залезай в коляску и поехали.

– Деда, а можно, я сама пойду?

– Можно! Только если устанешь – сразу скажи?

– Ладно!

Трехлетняя Алинка затопала рядом с дедом, который, приноровившись под ее шаг, медленно пошел рядом, внимательно наблюдая за ребенком. Уже два года он живет с дочкой и внучкой, помогая во всем. Квартиру, которую Иван Леонидович купил, он сдал и отдает деньги Ане, на Алинку.

Алина родилась раньше срока и с целым букетом диагнозов. Со временем часть из них сняли, но самый главный, связанный с маленьким сердечком, остался. Две сложных операции пройдены и впереди еще одна. Девочку берегли как хрупкую хрустальную статуэтку.

Жизнь в браке у Ани не сложилась. Муж красиво ухаживал, добиваясь внимания, но после свадьбы показал себя не с лучшей стороны. Аня работала, тянула семью, а Никита искал себя. Долго искал, почти два года. А потом получилась Алина. Последней каплей для Ани стала фраза:

– Если родится больной – домой забрать не позволю!

У Ани в тот момент просто пелена с глаз упала. Почему? Почему она с этим человеком до сих пор? Ни внимания, ни поддержки. Живут они в ее квартире, доставшейся от бабушки, тратят ее деньги. Если что-то муж и зарабатывает, то это сугубо его доходы, она их не видит. И теперь он диктует ей жить или нет. Какая жизнь ее ждет без ребенка? Она не показала вчерашние результаты обследования, ведь это неокончательно, пока все неясно. Откуда он знает? А если не знает, то, что это было? Почему она все это терпела? Любила? Наверное... Именно так, в прошедшем времени. Аня собралась с духом и указала Никите на дверь.

Он не успокоился сразу. Приходил, трепал нервы, мог явиться нетрезвым. Но на седьмом месяце Аня получила результаты скрининга и позвонила ему сама:

– Никита, у нашего ребенка порок сердца. И оставлять в роддоме я его не буду! Ты будешь участвовать в воспитании и содержании?

– Я тебе уже все сказал по этому поводу! Или он, или я!

– Не ты, сам понимаешь...

Аня сбросила вызов и погладила живот.

– Мы справимся! Да, малыш? Мы сильные!

Тогда она еще не знала, что будет дочь.

– Девочка! Поздравляю тебя, мамочка! Это хорошо, девочки – они сильные! – акушерка погладила Аню по руке.

Алинка и правда была сильной. Очень сильной. Боролась за жизнь так, как многие взрослые не могут.

Руки у Ани иногда опускались, сколько пришлось пройти бюрократии и препятствий на пути к операциям или реабилитации каждый раз. Но она смотрела на свою дочку, которая не сводила с мамы васильковых, ярко-синих бабушкиных глаз и поднимала голову повыше.

– Не буду страусом!

Три года бесконечной борьбы и ее дочка может ходить, даже немножко бегать, хоть и замирает каждый раз у Ани сердце от этого. И, так как двигаться много нельзя – Аня много времени проводит с Алинкой за книжками, поделками, рисованием. Алина умненькая, уже все буквы и цифры знает, прекрасно говорит. А не так давно дедушка купил ей синтезатор и Аня нашла преподавателя. Музыка всегда завораживала девочку.

Аня выглянула в окно и увидела возвращавшихся с прогулки отца и дочку. Она вытерла руки и пошла открывать:

– Нагулялись? Скоро Ольга Олеговна придет, раздевайтесь, руки мойте. Дождемся и будем обедать.

Ольга Олеговна – участковая медсестра. Свой человек в семье. Именно она оставалась с девочкой, когда Аня летала проститься с мамой. С рождения Ольга присматривает за Алинкой. Некоторые курсы препаратов, те что было можно, она колола ребенку дома, чтобы лишний раз не ложиться в больницу.

Когда-то она первый раз появилась на пороге Аниной квартиры, уставшая, раздраженная. Только что с другого вызова, где мать ребенка накричала на нее за опоздание. Невозможно объяснить, что участок большой, сезон простуд, а она на своих двоих и болит спина.

Аня тогда внимательно посмотрела на нее и спросила:

– Можно, я предложу вам чаю? Вижу, что вы очень устали. Пожалуйста, не отказывайтесь!

Ольга Олеговна удивленно посмотрела на Аню:

– Спасибо! Вы у меня последние на сегодня. Не откажусь.

Так и началась их дружба. Ольга Олеговна была чуть моложе Аниной матери. Личная жизнь не сложилась, муж рано погиб, детей не нажили, а замуж она больше не хотела. Очень сложно всегда сходилась с людьми. Аня покорила ее своей открытостью и душевной теплотой. Ольга смотрела на эту девочку, которая годилась ей в дочки, и удивлялась тому сочетанию хрупкости и нежности с несгибаемой волей и твердым характером. Как-то само-собой получилось, что она стала для Алинки еще одной бабушкой.

– Ты моя лечебная бабушка! – хохотала Алинка.

Иван Леонидович заглянул на кухню:

– Анюта, я тебе кое-что сказать хочу.

Аня улыбнулась:

– Пап, да знаю я. Конспиратор из тебя еще тот! Ты про Ольгу?

– Да, дочка... не знаю, даже как и начать...

– Папа, посмотри на меня! – Аня погладила отца ладонями по щекам. – Я буду только рада, правда! Вы очень друг другу подходите. И маме бы Ольга понравилась... – тихо добавила Аня.

Отец молча обнял Аню, погладил по голове и отпустил.

– Так у нас сегодня сватовство? – Аня хитро прищурилась.

– Ну что ты в самом деле? Какой из меня жених?

– Замечательный!

Пару месяцев спустя Ане позвонил брат:

– Привет!

– Привет, Юра!

– Мне поговорить надо с тобой и с отцом. Мы приедем послезавтра с Настей.

– Хорошо. Что-то случилось? Голос у тебя...

– Потом расскажу! – Юра повесил трубку.

Через два дня Аня встречала брата с женой на вокзале.

– А где отец?

– Дома с Алиной.

– Как дочка?

– Хорошо. – Аня вела машину и коротко отвечала на вопросы. Юра никогда не интересовался племянницей, вряд ли и сейчас ему это было интересно.

Настя молча сидела рядом с мужем.

Дома Аня накрыла стол и присела, поджав ногу, на край стула, приготовившись выслушать, зачем же приехали такие редкие в ее доме гости.

– Аня, папа, у меня проблемы. Сами знаете, что время сейчас непростое. Многие теряют свой бизнес. Вот и у меня сейчас сложности. Мне нужна помощь.

– Какая, Юра? Я бы рада, но ты же знаешь мои доходы.

– Речь не о тебе.

– А о чем?

– О квартире отца. Папа, я приехал, чтобы попросить тебя продать квартиру и помочь мне.

– Сын, я бы и рад, да только...

– А что "да только"? – вмешалась Настя. – Вы же живете у Ани, на всем готовом. Зачем вам квартира-то? И потом, Юра старший сын, он имеет полное право на наследство. Вы же не выделили ему долю после продажи квартиры, в которой вы жили с Любовью Валентиновной. Так что к этой квартире он имеет непосредственное отношение.

Иван Леонидович побледнел. Невестка никогда не позволяла себе такого тона в разговоре. Видимо, проблемы и правда серьезные.

– Видишь ли, Настя, я живу не здесь, а у себя теперь. Потому, что я не один.

Юрий с женой ошарашенно переглянулись.

– Что ты сказал?

– Я сказал, что живу не один. Месяц назад мы расписались с Ольгой.

– Да как ты мог! – Юрий вскочил. – Ты! Предатель! Ты предал память мамы! А ты куда смотрела? – накинулся он на сестру.

– А ну-ка сядь! – очень тихо сказала Аня. Юра изумленно посмотрел на нее. – Сядь и не кричи в моем доме!

Настя открыла было рот, но Анна так глянула на нее, что та сочла за благо промолчать.

– А теперь очень внимательно оба меня послушайте. С чего вы взяли, что имеете право диктовать папе, как жить? Рассуждать про память мамы? Где ты был, когда она тебя ждала? Какие дела важнее были, чем приехать и попрощаться? А вот если бы ты соизволил появиться, то знал бы, что отец сейчас выполнил волю мамы, которую она озвучила и мне.

Голос Ани звенел от сдерживаемой ярости. Все, что накопилось за эти годы, вся та несправедливость, которую испытала она по отношению к себе, к Алинке, и которая теперь угрожала отцу, спрессовалась в огромный ком боли и гнева, готовый обрушиться на голову любого, кто посмеет сказать, что они не имеют права надеяться, любить, быть счастливыми. Просто потому, что кому-то кажется это неуместным или неправильным.

– И не ты, ни твоя жена не имеете права диктовать отцу как ему жить и что делать!

– Да может он просто не в своем уме? Ты не думала об этом? Кто женится в таком возрасте и что там за охотница до таких стариков? Или не на стариков? Зачем он ей сдался! На квартиру позарилась?

– Не смей! – Анин голос зазвенел такой нотой, что Юра растеряно сел на свой стул. – Не тебе судить! Ольга – порядочный человек, а ты, не зная ее, позволяешь себе говорить гадости. Я уж молчу, что ты сейчас сказал про папу. Ты меня удивляешь... Вроде одни родители нас

воспитывали... А что ты скажешь, если сейчас я потребую свою долю наследства? Мне она, как ты понимаешь нужнее, на кону не бизнес.

– Мне не хватит половины стоимости квартиры.

– Ты не понял. Ни половины, ни даже третьей части ты не получишь. Научись решать свои проблемы сам. Все, разговор закончен. Когда одумаешься и перестанешь предъявлять претензии, я буду рада тебя видеть.

Настя вскочила с места и уже готова была обрушиться на золовку, как вдруг муж схватил ее за руку:

– Мы уходим!

– Счастливого пути! Позвони, как доберетесь.

Аня сдвинула брови и глянула на Настю.

– Еще вопросы?

– Нет! На нашу помощь можешь не рассчитывать! – Настя пошла красными пятнами.

– Как скажешь. Не рассчитывала раньше и теперь не стану.

Настя фыркнув, вылетела из кухни.

Юра задержался на секунду на пороге и внимательно посмотрел на сестру и на отца.

– Счастливо оставаться.

Хлопнула дверь и Иван Леонидович опустил плечи.

– Пап!

– Все, дочка, все... Я в порядке. А ты у меня, оказывается львица. – Он улыбнулся сквозь слезы. – Спасибо, родная!

Аня обняла отца и выдохнула.

– Пап... Он поймет. Дай ему время.

Прошел год.

По лесной тропинке, которая вела к дачному поселку, бежала босоногая девчонка. Две косички смешно прыгали по плечам. В руках у нее была большая эмалированная кружка, доверху наполненная земляникой.

– Алина, грохнешься – не плачь! Все ягоды растеряла! – Аня рассмеялась, глядя, как дочка оглянулась и перешла на церемонный шаг. За ней тянулась ярко-алая дорожка из ягодок. – Из чего бабушка Оля теперь пирог печь будет?

– Мам, ну тут еще много осталось! Нам хватит!

Аня пригладила растрепавшиеся волосы дочки и чмокнула ее в нос.

– Ладно, давай мне кружку и беги! Дед уже, наверное, качели закончил делать, пока мы в лес ходили.

Алина сорвалась с места. Аня снова рассмеялась и пошла вслед за дочкой к даче Ольги Олеговны, где они проводили отпуск.

За последний год много чего случилось.

Алине сделали последнюю операцию и, хотя проблемы еще оставались, они не шли ни в какое сравнение с тем, что было. Ольга Олеговна ездила с девочками в Москву и выхаживала Алинку вместе с Аней, ни на минуту не отходя от девочки. А когда они вернулись, Ольга продала свою квартиру и купила просторную теплую дачу.

– Ребенку нужен свежий воздух!

Юра решил проблемы с бизнесом и на новогодние праздники приезжал к отцу, чтобы помириться. Правда, один. Настя отказалась ехать наотрез.

– Еще не вечер! – Аня похлопала брата по руке. – Все наладится. Главное, что ты здесь.

Аня подошла к калитке, в которую упиралась тропинка и открывая ее услышала:

– Деда, выше! Еще выше! Я почти вижу речку!

Алинка хохотала, сидя на качелях, которые раскачивал дед. Ольга Олеговна накрывала чай в беседке.

- Не свались только, держись крепче! – она прикрыла ладонью глаза от солнца.
- Ба! Пирожка можно?
- И суп можно тоже! Слезай, вон мама идет, будем обедать. А потом будем печь сладкого «пирожка» с тобой. Ты же ягодки принесла?
- Да! Только не все, потеряла немножко.
- Значит, будем делать маленькие пирожки.
- А ты хитрая!
- А то! И кашу из топора тебя тоже научу варить.
- Как это? – Алина раскрыла рот.
- Вечером расскажу, беги руки мыть.
- Дедаааа! А у нас топор есть? Бабушка будет кашу варить! Только, чур, не манную!

Фима, не включай паровоз! Я в порядке!

– Нина Петровна, здрасте!
– Доброе утро, Гриша! В школу?
– Ага, у нас сегодня утренник.
– Отлично! Обожаю праздники! А мы с Фимой идем за хлебом! И печеньем, да, дорогой?
Маленький пекинес Нины Петровны поднял голову, насколько смог, глянул на хозяйку, и гавкнул.

– Вот, видишь, Фимочка не даст соврать!
Гриша присел на корточки и почесал ухо собачке. Фима блаженно прикрыл глаза.
– Нина Петровна, а правда, что пекинесы – это собаки императоров?
– Да, китайских императоров. Собачки Фу, как их называли в Китае. Они жили только во дворце императора, обычным людям нельзя было завести такую собаку. Знаешь, считалось, что это даже не собаки, а духи-хранители.

– Ничего себе!
– Они очень храбрые. Иногда, даже чересчур, не так ли, Фима?
Фима тявкнул и спрятал нос в лапы.
– То-то! В следующий раз будешь думать, прежде, чем гонять соседского кота. Он же почти вдвое больше тебя!

Нина Петровна рассмеялась.
– А ты не опоздаешь?
– Ой! Опоздаю! Вы так интересно рассказывали!
– Приходи, я тебе альбом покажу с фотографиями предков Фимы и еще расскажу про собак, если хочешь.

– А можно я не один приду?
– С кем же?
Гриша замялся.
– Ну... есть там...
– С девочкой?
– Откуда вы знаете?
– Гришенька, не такая уж я и старая! Беги! И приводи свою даму, я буду рада вас видеть!
Гриша отряхнул брюки и бегом помчался к школе, которая стояла во дворе соседнего дома.

«Все-таки хорошая она, бабушка Нина, не такая как другие соседки в нашем доме».

Девятилетний Гриша даже не догадывался, насколько он прав.

Нина Петровна и правда была непохожа на соседок из их дома, стоящего среди таких же панельных пятиэтажек в спальном районе города. Переехала она сюда не так давно, всего лишь восемь лет назад. Обстоятельства сложились так, что другого выхода, кроме как перебраться в маленькую однокомнатную квартирку на окраине, у нее просто не было.

Ниночка родилась в семье, ни много, ни мало, – генерала! Отец ее долго искал себе спутницу жизни, и мама Нины была намного младше мужа. Родив ребенка, она не стала бросать себя на алтарь воспитания единственной дочери, а дождавшись, когда Нина немного подрастет – отдала ее в ясли. Но, маленькая Ниночка не отличалась богатырским здоровьем, часто болела и отец «выписал» из деревни свою старенькую тетушку. Именно она воспитала Нину и заменила ей занятого отца и, делающую карьеру, маму.

Варвара Ивановна, даром, что была из деревни, происходила из старинного дворянского рода, осколки которого революция, а потом и война раскидали по свету. И, в стареньком деревянном домике, в глухой деревне, мама Вари, придя домой после тяжелой работы в колхозе,

ставила на стол тарелку, укладывала приборы, доставшиеся ей от бабушки, и учила дочь, как правильно двигаться, вести себя за столом и вести беседу, учила правильным русскому и французскому языку. То есть всему тому, что усвоила в свое время от своей мамы, а та от своей,

и так далее, до прабабушки, учившейся в институте благородных девиц. Варя усваивала сразу две стороны этой жизни: с одной – очень практическую, «от земли», где умела и вырастить, что угодно в огороде и ухаживать за хозяйством и живностью, а с другой – эстетическую, в которой было место поэзии, правильной речи, хорошим манерам. Правда, вот эту вторую сторону, мама приказала строго-настрого прятать и никому пока не показывать. Она надеялась, что Варвара сможет уехать учиться в столицу. Но, не пришлось, к сожалению. Варя не оставила маму, когда она заболела и так и осталась жить в деревне, после того, как мамы не стало.

Все эти знания и умения, полученные от мамы, Варвара Ивановна постаралась передать Ниночке. И ей это удалось просто блестяще. Нина росла начитанным, умным ребенком, свободно говорила по-французски. Сначала с подачи Варвары, а потом отец нашел преподавателя. Занималась спортом и музыкой. Но, все это длилось ровно до того момента, пока не ушел от тяжелой болезни отец и мама не вышла замуж повторно. В новой семье места Ниночке не нашлось. К счастью, папа позаботился о том, чтобы ни она, ни его жена, ни в чем не нуждались. Вступив в права наследства, мать разделила имущество так, как сочла нужным, и Нине досталась большая родительская квартира. Там они и остались с Варварой Ивановной. Мама приезжала проводить Нину не чаще раза в месяц и пятнадцатилетняя, на тот момент, девочка быстро привыкла отвечать за себя сама. Варвара болела, все чаще не могла помочь своей воспитаннице даже по хозяйству, и Нина взяла на себя практически все. Подсчитав их с Варварой расходы на месяц, она позвонила матери и попросила выдавать ей определенную сумму раз в две недели. Та согласилась, но, взамен потребовала от Нины помощи в уходе за новорожденным сыном. Так Нине пришлось жить на два дома. Сил и здоровья ей было не занимать, и она легко справлялась со свалившимися на нее обязанностями и няньки, и сиделки. Умудрившись не забросить учебу, она с легкостью поступила в университет. Нина быстро поняла, что владеть языком мало, нужна какая-то узкая специализация. Она взялась за технические переводы. Работа переводчика и подработки репетитором позволили ей жить почти безбедно. На одном из мероприятий, которое проводило совместное предприятие, в которой работала Нина на тот момент, она познакомилась со своим будущим мужем. К тому времени Варвары уже не было, брат подрос и не нуждался в присмотре старшей сестры, так что у Нины появился шанс устроить свою личную жизнь.

С мужем у них сложились ровные, хорошие, даже немного приятельские отношения. Нина всегда знала, что он ее любит больше, чем она. Но осознать, что он для нее значил на самом деле, она смогла только после того, как обширный инфаркт унес его жизнь.

Жить после этого в большой квартире стало накладно финансово и очень тяжело морально. Нине все время казалось, что вот-вот из другой комнаты выйдет муж или послышатся шажки Варвары.

Нина Петровна приняла решение переехать в жилье поменьше. А тут еще и мама обратилась к ней с просьбой помочь брату, который собирался уезжать жить в другой город. Нужны были деньги на переезд и обустройство. С Анатолием и его семьей у Нины сложились очень теплые отношения, не зря же она его столько лет нянчила, и она с радостью согласилась помочь. Племянник и племянница заменили ей собственных детей, которых у них с мужем так и не случилось.

Брат уехал, мама вскорости тоже перебралась поближе к нему и внукам, и Нина осталась совершенно одна, не считая маленького Фимы, которого муж подарил ей накануне своего ухода, посмеявшись:

– Нинка, мы пенсионеры! Будем гулять под ручку и с собачкой. Здорово я придумал?
«Здорово...» – думала Нина Петровна, выгуливая в очередной раз песика.

Фима был удивительной души псом. Чувствовал свою хозяйку, что называется, «за версту». Иногда, он приходил к ней, сидящей задумчиво в кресле с книгой или очередным сложным переводом, и, уложив нос на тапочек, начинал тихонько пыхтеть.

– Фима, не включай паровоз! Я в порядке!

Нина Петровна утирала набежавшие слезы и решительно поднималась:

– Идем на воздух!

Гуляли они в любую погоду. При сильном дожде, Нина Петровна брала Фиму подмышку и шествовала до сквера, который был в трех кварталах от их дома. Там, найдя местечко посуше, она опускала собаку на землю и командовала:

– Вальсируем, Фима, в очень быстром темпе!

Эту команду Фима выполнял всегда почти мгновенно и садился у ног хозяйки, ожидая, когда она снова возьмет его на руки.

Развернув пакет, Нина быстро убирала за собакой, забирала Фиму и тем же путем возвращалась домой. Соседка однажды спросила у нее:

– Ниночка, вы же убираете за своей собачкой, почему не выгуливаете ее во дворе в такую погоду?

– Потому, Адель Александровна, что здесь, кроме собак, гуляют дети. Пока я в силах, мы можем дойти до сквера и гулять на собачьей площадке, а не на детской. И Фима любит делать свои дела на природе, а не на глазах у общественности.

Нина Петровна была единственной собачницей во всем районе, которая рассуждала подобным образом и убирала за Фимой. Остальные просто крутили пальцем у виска и спокойно выгуливали собак по привычке, где придется. Но, если большинство считало Нину Петровну «не от мира сего» молча, то новый сосед, Роман, открыто высказывал ей это в лицо. Выгуливая своего стаффордширского терьера возле дома, он мог громко, чтобы обязательно быть услышанным, сказать:

– О, пошла своего недопса выгуливать! Разве это собака? Недоразумение, а не пес! То ли дело ты, Арго! Да?! Пакетик-то взяла, а?

Романа не любили во дворе. Он переехал сюда с семьей два года назад и уже успел всем надоесть. Бесконечные скандалы из-за парковки во дворе, хотя до этого жильцы спокойно договаривались, и никто никому не мешал. Громкая музыка по вечерам или вообще среди ночи. А чуть больше года назад он завел собаку и теперь с ним вообще боялись связываться. Чуть что, он дергал поводок и Арго, никогда не знавший намордника, скалил зубы на любого, будь то взрослый или ребенок.

– Так-то! Будете знать!

Нина Петровна никогда не реагировала на провокации и только молча проходила мимо, взяв на руки Фиму.

В хорошую погоду, они возвращались из сквера не спеша и обязательно задерживались возле детской площадки. Вся окрестная детвора знала Фиму и тут же находилась не одна пара ладошек, готовых почесать ушки и погладить. Этим Фима выгодно отличался от представителей своей породы, которые, как правило, не терпят панибратства.

Нина Петровна говорила обычно перед этим Фиме:

– Пойдем, друг мой, получим порцию восхищения и признания твоих неоспоримых достоинств – великолепного внешнего вида и прекрасного характера!

Гриша был особым почитателем Фиминых достоинств. Он жил в квартире по соседству, на одной лестничной клетке с Ниной Петровной и именно ему, а точнее его маме, она доверила драгоценного песика, когда лежала в больнице год назад. Гриша мечтал о собаке, но родители пока были категорически против. Он был беззаветно «влюблен» в Фиму.

После утренника Гриша договорился встретиться с Соней, своей одноклассницей, вечером и пойти в гости к Нине Петровне. Ему не терпелось узнать больше о пекинесах. Он даже

рассказал Светлане Михайловне, классному руководителю, о Фиме, и та предложила им с Соней сделать доклад и презентацию на эту тему.

– А я вам дополнительные оценки по «окружающему миру» поставлю. Думаю, всем будет интересно послушать про таких чудесных собачек.

Гриша встретил Нину Петровну у подъезда, они направлялись с Фимой домой с прогулки.

– Нина Петровна, а можно мы сегодня к вам придем?

– Гриша, я буду рада вас видеть, я же сказала. Мы будем пить чай с прекрасным вишневым вареньем и абрикосовым пирогом. После шести я вас жду! Мы с Фимой погуляем и будем готовы к приему, да, дорогой?

Фима лизнул руку хозяйки.

– Видишь, Григорий, Фима одобряет. Приходите!

– Спасибо!

Без пяти шесть Гриша уже нетерпеливо переминался с ноги на ногу, ожидая во дворе Соню. Она бежала от соседнего дома, размахивая каким-то журналом.

– Смотри, что я нашла! Здесь статья о пекинесах, мне мама дала.

Она обогнула припаркованный во дворе старенький грузовичок, который ремонтировали два парня и подбежала к Грише. Они уткнулись в журнал.

– Здорово! Можно будет Нине Петровне показать. Видишь, здесь даже иллюстрации есть. А вон и они идут.

Во двор вошла Нина Петровна, рядом бежал, переваливаясь, Фима и в тот же момент из подъезда вышел Роман со своей собакой.

Дальше все случилось так быстро, что потом никто толком не смог сразу вспомнить последовательность и лишь спустя время все сложилось в общую картину.

Ремонтирующие грузовик парни запустили двигатель, что-то у них там громко хлопнуло, и в этот момент Арго дернул поводок, вырвавшись от хозяина, опустил голову и кинулся к детям, стоявшим рядом с машиной. Глаза Сони испуганно расширились, рот открылся, но закричать она не смогла. Гриша машинально шагнул вперед, закрывая собой девочку и зажмурился. Но, Арго не добежал. Он вдруг заскулил, закрутился на месте, пытаясь освободиться от маленького разъяренного комка шерсти, вцепившегося ему в нос и губу. Фиму мотало из стороны в сторону, но он только крепче сжимал челюсти.

Парни, возле машины, наконец, опомнились и схватив детей, закинули их в кузов, запрыгнув следом.

Вокруг царил полный хаос. Кричали дети, кричали матери, которые выглянув в окно, испугались за детвору, гулявшую на площадке, кричал даже Роман, правда не на Арго, а на Нину Петровну:

– Отцепи его! Сейчас же! Изуродует собаку – я не знаю, что сделаю!

И тут, в этой сумятице, раздался холодный спокойный голос Нины:

– Роман, позовите собаку! Дайте команду, живо!

Роман сам не мог объяснить, почему он послушался, но раздался его голос:

– Арго, ко мне!

Пес остановился, последний раз тряхнул головой и в этот момент, Фима, который уже очень устал, услышал, наконец, голос хозяйки:

– Фима, фу! Плюнь эту гадость!

Маленький пес разжал челюсти и упал на землю. Роман подбежал и схватил Арго за ошейник. Видно было, что псу очень больно. Нина подошла к собакам и подняла Фиму с земли. Арго сидел, тяжело дыша и оглядываясь по сторонам. Роман поднял с земли поводок и дернул собаку к себе:

– Идем!

Во двор въехал экипаж патрульной службы, которую вызвали соседи.

Нина Петровна стояла, прижав к себе маленького песика, который дышал еле-еле и гладила его по голове:

– Фима, это было прекрасно! Твои предки, несомненно, гордились бы твоей храбростью! Не посрамил фамилию! Дети, – она повернулась к зареванной Соне и перепуганному Грише, – чай никто не отменял. Идем!

Позже она дала объяснения участковому, правда подчеркнула, что претензий не имеет, а случившееся – вина хозяина, а не собаки.

– А вы не могли бы обязать Романа пройти обучение с собакой? Пес не безнадёжен, команды хозяина послушался сразу.

– Официально – нет, у меня нет таких полномочий, но я поговорю с ним. Это просто чудо, что трагедии не случилось!

Участковый наклонился и погладил Фиму, который лежал, уткнув носик в тапочек хозяйки.

– Кто бы мог подумать! Такой маленький и такой герой!

– Фима, конечно, герой, но это случайность, что он смог остановить на минуту такого пса. Я не понимаю, как он достал до морды! Как смог допрыгнуть! Вы же видели разницу в росте! Скорее всего собака при нападении опустила голову, иначе Фима просто не достал бы до носа. Это очень уязвимое и болезненное место. В противном случае, тот пес просто не заметил бы Фиму. Вы же видели, какой он сильный, мощный. Красавец, но очень невоспитанный.

Нина Петровна посмотрела на Фиму. Ей не нравилось, как он выглядел. В ветеринарной клинике сказали, что он не пострадал, но Нина видела, что собаке плохо.

Фима прожил после случившегося два месяца и однажды утром просто не проснулся. Нина Петровна как-то сразу постарела и осунулась. Перестала выходить из дома без необходимости.

– Мама, можно я кое-что попрошу у вас с папой?

– Да, Гриша, что случилось? – Вера перевернула последнюю котлету, вытерла руки и повернулась к сыну.

– Можно, в этом году, вместо подарков на день рождения и новый год, вы дадите мне деньги?

Вера опустилась на стул и повернула сына лицом к себе:

– Почему? Зачем тебе столько денег?

– Понимаешь, мам, тут такое дело...

Вера внимательно выслушала сына и обняла его:

– Гриша, я тобой очень горжусь, сынок! Прекрасная идея!

Накануне Нового года в дверь Нины Петровны позвонили. Она, шаркая тапочками, пошла открывать. В этом году она впервые решила остаться дома на праздники и не поехала в гости к брату. Открыв дверь, она удивленно подняла брови.

– Ого, целая делегация! Добрый вечер!

– С Наступающим, Нина Петровна, вы позволите войти?

– Прошу вас! – Нина пошире распахнула двери, пропуская людей, которые стояли на лестничной клетке. Родители Сони и Гриши, дети, Адель Александровна и еще несколько соседей.

– Мы хотели бы поздравить вас с Новым Годом и у нас кое-что для вас есть. Мы понимаем, что Фиму вам не заменит никто, но...

Гриша шагнул вперед и протянул закрытую корзинку, которую он держал в руках:

– Они родственники. Дальние, но все же одной крови. Помните, вы показывали нам Фимину родословную? Мы с Соней нашли этот питомник в интернете, а родители помогли нам организовать доставку.

В корзинке сидел маленький щенок пекинеса. Забавно наклонив голову, он разглядывал свою новую хозяйку. Нина осторожно вынула его из корзинки и прижала к себе.

– Он – прекрасен! Спасибо!

– А еще, его родной брат теперь будет жить у меня, и, если вам будет сложно, я смогу выгуливать их обоих. – Гриша светился от счастья. Родители все-таки разрешили ему завести собаку.

Нина разглядывала щенка и тихо плакала, впервые в жизни не найдя слов, чтобы выразить то, что сейчас творилось в ее душе.

Она не знала, что все деньги из своих копилочек Соня и Гриша потратили на этого маленького песика. Что, конечно, этих денег не хватило, и родители, скинувшись, добавили. Что мама Гриши, встретив Адель Александровну, рассказала ей о том, что Нина Петровна совсем захандрила и о том, что придумали дети. Что соседка, выслушав внимательно, организовала сбор средств вместе с соседями, чтобы купить самого лучшего щенка, которого они смогут найти.

Нина Петровна всего этого не знала... Она просто в этот момент была, впервые за последнее время, безгранично и безусловно счастлива...

Сбрось скорость перед поворотом!

– Да, мама, была. Врач сказал, что заключение будет позже. Ты извини, я за рулем. Да, целую, наберу позже!

Лера отбросила телефон на соседнее сиденье и, сдерживая слезы, стала искать, где можно остановиться. Впереди показалась парковка крупного супермаркета. Лера свернула и припарковалась в самом конце парковки. Уронив голову на руль, она дала волю слезам. Выла в голос, по-бабьи, с причитаниями, тоской и злостью. Злость была на себя, на судьбу, на то, что так несправедливо, отчаянно неправильно сложилась жизнь.

Лерочка родилась в начале девяностых. Родители не планировали ребенка, понимая, как тяжело будет его поднять. Мама – медсестра, папа – водитель, бывший каскадер, после травмы ушедший на более спокойную работу. Жили очень скромно. Но, появившаяся девочка не стала ни разочарованием, ни обузой. Напротив, отец, взяв ее на руки, удивленно сказал:

– Моя! Представляешь, Ленка, моя дочка! Вся, от пяток до макушки!

– Конечно, твоя! – рассмеялась жена. – Надо мной все в роддоме смеялись, что свет еще не видел больше похожей на отца дочери, потому, что от меня там ноль вообще!

Олег качал на руках малышку и разглядывал ее личико.

– Даже не на меня, на бабушку похожа.

– Так это же хорошо! Красавицей будет! – Лена видела фото бабушки Олега, актрисы местного театра. Бесподобной красоты была женщина. Лена ее не знала, той не стало раньше, чем они познакомились с Олегом.

Девочка и правда росла красавицей. Да еще и умницей. Как-то сложилось, что Лера всегда была ближе к отцу, хотя с мамой отношения были хорошими, ровными. С папой же было все легко. Олег быстро разглядел, что дочка у него не кисейная барышня и, в очередной раз снимая ее с дерева во дворе, где та носилась с соседскими мальчишками или переплывая на спор речку, которая текла недалеко от дома, говорил:

– Когда мамка тебя носила, я пацана хотел. Надо было мне быть осторожнее с желаниями.

Лера только смеялась в ответ. С папой ей все было интересно и в радость. Когда он в десять лет посадил ее первый раз за руль на сельской дороге, ведущей вдоль поля, мама возмутилась:

– Ты что, Олег! Она же девочка! Да, до педалей толком не достает даже!

– Ничего, подрастет – достанет. Пусть потихоньку учится, мне спокойнее будет.

Они на пару с отцом пропадали в гараже, и Лера могла уже в четырнадцать перебрать двигатель их старенькой машины.

– Олег, ну не те это занятия для девочки. – Лена пыталась поговорить с мужем. – Ей бы с подружками погулять, сарафан новый примерить. А она в одни штаны влезла и целыми днями с тобой сидит в гараже.

Лера только посмеивалась, «выгуливала» сшитый мамой новый сарафан и снова убегала к отцу, к «железкам».

Неудивительно, что машину она водила как ас уже лет в шестнадцать. Отец научил ее всему, что знал сам. Но, при этом он все время твердил ей:

– Лерка, дорога дураков не любит! А самоуверенных дураков раз в сто больше! Ты можешь, ты знаешь, а на встрече или попутно будет «чайник», балбес, который ничего не может и не знает. Не лихачь, дочь!

Но, кто слушает родителей, когда молодой? Вот и Лерина самоуверенность сыграла с ней злую шутку. Получив права, она прыгала до небес от счастья. Теперь можно спокойно ездить, куда захочется, ведь отец давно сказал, что как права будут – машина ее. Месяц так и было. А потом... В той аварии Лера была не виновата абсолютно. Пьяные парни на хорошей иномарке

решили «поиграть» на дороге с красивой девушкой. Лера решила, что легко уйдет от них. Не учла только науку отца. Со встречи вылетел тот самый «чайник», уворачиваясь от машины с пьяной компанией. Будь она чуть осторожнее – ушла бы от столкновения, а так, решила, что проскочит, успеет... Не успела...

Почти неделя комы. Собранная буквально по частям, год она училась ходить, говорить – все заново, как младенец.

Мама уже не плакала, как в первые дни, а стиснув зубы делала все, чтобы ее ребенок снова встал на ноги. На отца было страшно смотреть. Чувство вины, за то, что именно он посадил дочь за руль, сводило Олега с ума. До тех пор, пока Лера, еще не очень внятно говоря, не усадила отца рядом:

– Папка, перестань себя грызть! Ты-то при чем? Со своей стороны, ты сделал все, чтобы я руль держать умела. Так получилось! И ты в этом не виноват. Ведь, если бы не ты, я бы может и не выжила вовсе.

Олег опустил голову и, наконец, заплакал. Все то, что он держал в себе весь год, прошедший с аварии, вымывалось с этими тихими слезами. Он гладил дочку по руке, на которой видны были шрамы, и думал, что сделает все, чтобы она снова стала прежней девочкой, которая любила жизнь так, что дух захватывало.

А Лера, как только встала на ноги и смогла ходить, двигаться почти как до аварии, снова попросила у отца ключи от машины. Старенькую иномарку родители купили на смену разбитой в аварии машине, чтобы возить Леру на процедуры и в поликлинику.

– Ты с ума сошла! – ахнула Лена.

– Мам, если я сейчас этого не сделаю, я всю жизнь буду бояться собственной тени.

Олег внимательно посмотрел на дочь, достал из кармана куртки ключи и обнял жену.

– Дочь...

– Папуль, все хорошо будет. Я в город не поеду, так, по соседним улицам и все. Хочешь – давай со мной.

– Я с мамой останусь. Иди!

Почти час просидела Лера в машине, прежде, чем собралась с силами и завела двигатель.

Постепенно жизнь налаживалась. Лера окончила сначала училище, после того как восстановилась, а позже и медицинский институт, став врачом-педиатром. Работала в детской клинической больнице и там познакомилась со своим будущим мужем, Костей. Тот приезжал проводить племянника. Свадьба, купленная в ипотеку квартира и отчаянное желание иметь детей. Константин вырос в большой дружной семье и мечтал о такой же для себя. Лера смеялась:

– Ну десять детей – это я тебе не обещаю, но мальчика и девочку – да.

Год, два, десять – ничего, а, точнее, никого. Они прошли все обследования, кучу анализов, врачи только разводили руками.

– Никаких противопоказаний, ничего. Вы оба здоровы.

Лера оценила готовность мужа идти с ней до конца. Костя даже слова не сказал, когда она заикнулась об анализах. А ведь она знала, как часто мужчины считают это унижительным. Врач, который ее наблюдал, даже предупредил:

– Если муж откажется... просто сейчас это не редкость, то будем думать, какие варианты у нас есть еще. Но, честно говоря, их немного.

На робкую попытку заговорить о необходимости сдать анализы, Костя лишь обнял Леру:

– Ты что, глупенькая? Конечно! Мы же вместе.

В глубине души, Лера подозревала, что все проблемы связаны с той злополучной аварией, хотя врачи и уверяли, что она восстановилась.

Сегодня она ездила на прием к профессору, которого порекомендовал ее лечащий врач и для нее жизнь остановилась ровно в тот момент, когда он произнес:

– Я сочувствую, но, увы, детей вы иметь не сможете. Медицина тут бессильна.

Он разъяснил еле слышавшей его Лере, что к чему, и та, понимая, что он прав, спросила:

– Никогда?

– Мне жаль!

И вот сейчас она билась в истерику на парковке, понимая, что закончилась не только она как женщина, закончилась и ее семейная жизнь. Костя никогда ее не простит, ведь он так хотел ребенка.

Слезы сдавали позиции, когда зазвонил телефон. Костя! Лера выключила звук и бросила телефон обратно на сиденье. Она не знала, как сказать мужу.

Еще продолжая всхлипывать, она набрала номер отца:

– Лерка! Ревешь... Ты где?

Папа как всегда был конкретен.

– На парковке, возле супермаркета.

– Сейчас буду.

Через полчаса отец уже сидел в машине дочери и обняв ее, гладил по голове:

– Все образуется. Знаю, что звучит это сейчас куце, но так и есть. Лерка – время! Тебе просто нужно время. Косте сказала?

– Нет, я не знаю как.

– Скажи как есть. Он тебя любит. Не заслужил, чтобы ты молчала.

– Пап, я жить не хочу... Я пустышка...

– Ты с ума сошла? А, ну-ка! – Олег рывком оторвал от себя дочь и заглянул ей в глаза. – Я знаю, что тебе сейчас очень больно и очень плохо, но это пройдет. Дай себе год. Вот если через год ты поймешь, что жизнь тебе не мила, тогда и будешь говорить, что она того не стоит, чтобы ее дальше тянуть. Поняла? Понимаю, что жизнь у тебя сейчас поменяется, но не гони пока! Сбрось скорость перед поворотом...

– Поняла, пап.

– И еще. Ты думаешь, что хуже, чем тебе, быть не может. Может, Лер, кому-то может и хуже. У тебя муж, мы с мамой живые и относительно здоровые, ты молодая и сильная. Все наладится, подожди только. Ты сильная, доченька, очень сильная, я знаю.

– Ох, пап...

Они еще долго сидели в машине, пока, наконец, Олег не пересадил дочь на пассажирское сиденье и не отвез ее домой, где уже с ума сходил Константин, который не мог дозвониться до жены. Сдав с рук на руки Леру мужу, он сказал Косте:

– Не сегодня. Не спрашивай, подожди, сама расскажет. Ты понял?

Костя кивнул.

– Я поехал, мать там места себе не находит, уже раз сто звонила.

Костя уложил жену в постель и, заварив чай, присел с чашкой рядом.

– Поспишь?

– Костя... – Лера смотрела в стену, отвернувшись от мужа. – Мы разводимся.

– Лихо! Почему, я могу узнать? Ты изменила мне с Бредом Питтом?

Лера невольно улыбнулась. О ее слабости к любимому актеру муж знал и нередко подначивал ее:

– Может я хоть немного на него похож? Ну, Лерка, смотри, может хоть в профиль?

Она повернулась к Косте:

– Костик, я бесплодна. Детей от меня у тебя не будет.

– Фух! А я-то думал! Умеешь ты, родная, мозг вынести. Пойду-ка я себе тоже чаю сделаю, а потом поговорим.

Лера свернулась калачиком и слушала, как звенит ложечка в чашке у Кости, как ходит по кухне ее любимый и понимала, что вот сейчас он зайдет и все это закончится. И будет тишина...

– Лерка, а ты голодная? Есть будешь? Я плов сделал.

Лера удивленно выглянула из-под пледа, которым укуталась с головой.

– Что?

– Есть, спрашиваю, будешь?

– Костя, ты не понял, что я сказала? Или не расслышал?

– Ну, я не глухой пока. Все я понял.

Костя сел на край кровати и обнял жену, перетащив ее к себе на колени.

– Что ты удумала? С чего ты решила, что я тебя куда-то отпущу?

– Но я же...

– И что? Лера, ты моя жена. Был бы у нас ребенок – я был бы самым счастливым человеком на свете, но я и так счастлив – ты же со мной. А дети... не знаю пока, надо подумать.

– О чем?

– О том, о чем я думал весь последний год. Не все своих растят, Лер.

– Ты о чем?

– Я о том, что может нам на роду написано, своих детей не иметь? Ты знала, что у меня старшие брат и сестра приемные?

Лера удивленно посмотрела на мужа:

– Нет! Ты не говорил, а я бы в жизни не подумала, что они не родные. Мне, кажется, родители Машу вообще больше всех любят.

– Мама Машку у соседки-алкоголички отобрала, после того, как та ребенка на мороз выставила в одних трусах, чтобы пить не мешала с сожителем. А мама с работы шла поздно вечером. Машку бы и не заметила, ту почти замело, если бы не собака наша. Та ее во двор не пустила, кидалась и выла.

– Так вот почему у Маши на руке пальца не хватает?

– Да. И на ногах тоже. Отморозила.

– Господи, ужас какой!

– Ну вот, ее мама в больнице выхаживала, а потом добилась через суд и забрала. Под опеку сначала, а потом удочерила. А через год и Сашку, когда тетку Нюру лишили родительских прав на сына.

– Так они родные брат и сестра?

– Ага.

Они долго разговаривали в тот вечер. Лера постепенно пришла в себя.

«Может, отец прав, кому-то хуже, чем мне?»

Через несколько месяцев, пройдя школу приемных родителей, Лера с Костей готовились взять ребенка из детского дома.

– А это кто? – Лера листала досье детей на сайте.

– Это Наташа. Но... вы на нее не смотрите, там ребенок очень больной.

«Кому-то может и хуже...»

– Что с ней?

– Ей год и два месяца...

– Сколько?! – Лера с ужасом посмотрела еще раз на фото. На фотографии было худенькое тельце, которому едва можно было дать месяца три.

– Там такой букет диагнозов, что вряд ли она доживет до трех лет.

– Посмотрим! – Лера решительно свернула остальные открытые «окна».

Через пару недель, когда все документы были готовы, она первый раз взяла на руки дочь.

– Не дрейфь, маленькая! Мы справимся!

Два года борьбы не то, что за день, а за каждую минуту жизни. Лера ушла с работы и не спускала ребенка с рук. Вечером, едва вернувшись домой, маленькую Наташу принимал Костя:

– Где моя Наталочка? А вот она, моя принцесса!

Первая улыбка, первый раз поднятая без поддержки голова, первая ложка каши, а не смеси, первый шаг...

– Костя...

– Что, родная?

– Смотри!

Лера положила перед мужем на стол распечатку.

– Наташка!

– Нет, это Андрюша, посмотри на данные внизу. Ему восемь месяцев.

– Надо же, как похож на Наталку, когда мы ее первый раз увидели! Я думал, ты мне хочешь показать, как она выглядела. – Костя посмотрела на свою, еще худенькую, но уже румяную дочку, которая вертела в руках фломастер, сидя за столом рядом.

– Что скажешь? – Лера с тревогой посмотрела на мужа.

– Надо брать, скажу. Сколько ему отмеряли?

– Полгода, Кость!

– Ну и какие тогда разговоры могут быть?

Так в семье появился Андрей. К счастью, он оказался более здоровым, чем сестра, только запущенным донельзя. И снова все по кругу.

– Какое же счастье, что ты выбрала профессию педиатра! – Лена взяла на руки внука и покачивая, запела колыбельную. В полтора года малыш весил как пушинка, но прогресс не заставил себя ждать в заботливых руках, и Андрюшка уже пытался вставать на ножки, забавно гукая.

– Mam, если бы я знала, что мне вот это все предстоит, я бы училась получше. Иногда, у меня такое чувство, что я каждый день экзамен сдам.

– На отлично, доченька, на отлично! – Лена посмотрела на уснувшего Андрюшку и перевела глаза на кроватку Наташи, которая сладко спала, обняв подаренного дедом зайца. – Иди, отец тебя на кухне ждет, что-то спросить хотел.

Лера вышла из комнаты.

– Пап?

– Ну что, заснул?

– Ага, мама качает, ты же знаешь, пока еще не очень хорошо спит, может проснуться, если сразу в кроватку. Ты что-то спросить хотел?

– Хотел. Как жизнь, Лерка?

– Мила, папка, мила, если ты об этом! – Лера улыбнулась, и Олег снова увидел в этой уставшей молодой женщине, свою дочку-сорванца, крутящую ключи от машины на пальце.

Матренин дом

– Машка, ты где? Подь сюда! – Матрена поставила ведро на лавку и вытерла руки.

– Что, мамань?

– Дуй как бабе Зине и попроси у нее соли. Скажи, я потом отдам.

– Сейчас! – Машка, прыгая на одной ноге натянула второй валенок и уже в дверях оглянулась. – Mam, a ты лепешки печь будешь?

– Буду! Вот соль принесешь и буду. И покличь там Васятку со двора. Холодно. Если он с ребятами, то пусть сюда идут и в избе играют.

Машка кивнула и выскочила за дверь.

Матрена огляделась. Вроде все переделала. Еще полчаса и нужно идти. Председатель ждать не станет. Сегодня день тяжелый. В хранилище холодно, а картошка сама себя не переберет. Не забыть бы рукавицы...

– Мама! – Машка влетела в избу, забыв закрыть за собой дверь. – Там такое!

– Марья! Мороз на улице! Дверь прикрой!

– Потом! Мама, да послушай же!

– Ну, что ты кричишь? – Матрена шуровала в печи. Дети уже большие, сами поедят, но лучше поставить чугуны поближе. Как бы не перевернули.

– Там детей привезли!

– Каких детей? – Матрена оглянулась на дочку.

– Таких детей! Эвакуированных. У правления. Целых двое саней! Баба Зина сказала тебя покликать.

Матрена накинула платок и махнула рукой дочери.

– Не ходи со мной! Дождись брата! И не забудь козлят покормить.

– Не забуду!

Матрена бежала по переулку, тяжело переставляя ноги по снежному крошеву. Пропади пропадом эта зима! Ни конца ей, ни краю. Уже и потеплеть должно, а все никак. Матрена вздохнула, на ходу прикрывая рот концом платка. Где-то там еще Федор. И холодно ему, и не способно... Скорее бы уже закончилось это бесконечное горюшко... Сколько извещений принесли за последнюю неделю? Ой, много... Только Матрена, да еще Катя соседка, не получали. Особо страшно было, когда три дня назад бабе Зине принесли снова страшную эту бумажку. Больше носить не будут. Не на кого... Семь сынов и муж... Не должно быть так! Не может баба, родившая столько детей, оставаться одна как перст... Матрена поежилась, вспоминая, как взяла бумажку баба Зина. Никто из женщин даже не решился подойти к ней. С сухими глазами, прямая как струна, она стянула с головы черный платок, и простоволосая пошла по деревне. Страшно... Матрена снова порадовалась, что ее дети еще маленькие. Васятка едва в школу пошел, а Матвейчик еще совсем маленький, только-только два сравнялось. Рожала его Матрена уже без мужа. Младшего сына Федор пока не видал. Ничего! Вот справятся с этой заразой и вернутся домой мужики! Только поскорее бы...

Матрена выскочила к правлению и ахнула. Детишек казалось было гораздо больше, чем влезло бы в двое саней. Махонькие и постарше, они сидели на ступеньках правления или тихо стояли, прислонившись к бревенчатой стене. Никто из них не гомонил. Было очень тихо. Матрена присмотрелась и сердце у нее зашло. Худющие какие! Аж страшно глянуть! Она окинула взглядом малышей, сидевших на ступеньках и охнула. Пробежав последние несколько шагов, она на ходу подхватила со ступенек маленькую девочку в туфельках, которая уже клевала носом, засыпая и ногой саданула по двери правления, распахнув ее.

– А ну! Быстро внутрь все! К печке! Бегом!

Бегом, конечно, никто не побежал. Сил у детей не было. Они потянулись за старшими ребятами, которые поднимая на ходу малышей, подталкивали их к входу.

– Матрена! Ты что это самоуправничаешь?

– А! Михалыч! Старый ты хрыч! Что это ты детишек на морозе бросил? Чай, не лето на дворе! Совесть есть у тебя, аль нет? Ты посмотри в чем их привезли-то? Это тебе не валенки! – Матрена рывком поставила у печи табуретку и живо стянула с девочки и легкие туфельки, и рваные чулки. Осторожно приложив ножки ребенка к теплой печке, она принялась растирать ручки девочке.

– Моя ты рыбонька! Замерзла?

Девочка подняла глаза на незнакомую женщину, которая так громко кричала. Она была совсем не похожа на маму. Но, что-то в ней было такое, что девочка не стала долго раздумывать, а, уткнувшись в грудь этой женщины, тут же уснула.

– Намаялось дите... – Матрена аккуратно переложила ребенка поудобнее и повернулась к председателю. – Михалыч! Вот ты вроде умный мужик, но как дело людей касается – совсем ума нема у тебя! Это ж дети! А ты их на улице бросил! Пусть замерзают?

– Да что ты мне... – Кузьма Михайлович включил было командный тон, но тут же притих, потому, что Матрена шикнула на него и запричитала, запела колыбельную. Перейдя на шепот, он продолжил. – Ты мне тут не устраивай чего не надо, поняла? Их же только-только привезли. Не успел я еще. Да и глянь на них! Там же караул! Они мылись, небось, последний раз незнамо когда!

– А хоть бы и так! Что ж им теперь на морозе вместе с животностью своей замерзать? Не выдумывай мне! А то сейчас баб покличу, так живо на тебя управу найдем!

– Загрозила! Ты чего пришла-то? В хранилище ж должна быть ужо. Как там без бригадира?

– То и пришла, что Машка прибежала и сказала, что детвору привезли. Кто они, Михалыч? Да откудова?

– Из Ленинграда. – Михалыч понял, что гроза миновала и подошел поближе. Говорил он теперь тихо, так чтобы дети не слышали. Хотя предосторожность эта была и вовсе ни к чему. Детвора, которая намерзлась в дороге так, что ломило руки и ноги, разомлела в тепле и уже большей частью спала, привалившись к теплой печке там, где хватило места, или приткнувшись по углам. – Беда там, Матренушка, беда страшная...

– Что беда, про то я знаю. А куда детвору-то теперь? Родня какая есть у них?

– Да какая родня?! – махнул рукой Михалыч. Ты глянь на них. Половина и имени своего произнести не умеет. Сопровождающие ихние, что везли-то, аккуратно все полегли, когда поезд... Детву повыпикивали, кого успели, а сами... Эх! – Михалыч отвернулся, пряча слезы.

Сколько уж они видали этих эвакуированных... Но, раньше-то это были взрослые. А если кто и попадался с ребятишками, то при мамках или родне дети были. А тут хоть плачь, хоть рыдай...

– Что ж делать будем, Михалыч? Глянь, какие они заморенные. Нельзя их дальше отправлять. Не доедут они никуда.

– Что предлагаешь?

– Давай народ собирать.

– Думаешь возьмет кто? Свои по лавкам скачут.

– Или мы не люди? Где свои, там и этим место найдется.

Михалыч отловил соседского мальчишку и отправил его по дворам и в хранилище, где работали сегодня женщины.

– Чего звал, Михалыч? – Катерина, первая певунья на деревне и подруга Матрены, осеклась, шагнув за порог. – Это ж что такое?

– Дети, Катя! Не шуми! – Матрена потрогала пяточки девчушки, которая посапывала у нее на руках и потянула с себя верхний платок.

Катя молча подошла и помогла ей освободить конец, на котором лежал ребенок. Матрена укутала ножки девчушки и кивнула на ребят.

– Видала?

– Страх какой! А худушие! Словно не кормили их...

– Так и не кормили же почти. Они из Ленинграда, Кать.

– Ох, горюшко! И куда их теперь?

– Сама как думаешь?

– Нельзя их дальше.

– Вот и я о чем. Бабы! Что делать будем?

– Деревня у нас большая. По дворам разберем. Только их все равно много. – Мария, соседка Матрены покрутила головой. – Если только по двое-трое на двор.

– Я не возьму! – Капитолина, вдова с другого конца переулка Матрены, покачала головой. – Своих трое, куда мне еще? Не прокормимся.

– Правление поможет. – Михалыч кивнул на вопросительный взгляд Матрены.

– Много помогаешь ты, Михалыч? Тут до весны бы протянуть...

– Ладно. Давайте так. У кого совсем беда – те пустые. А кто может – те возьмут.

– Ты это затеяла? – Капитолина нахмурилась, глядя на Матрену.

– Жизнь это затеяла, Капа. И перестань тут себя жалеть. Вон сколько тут бабонек и чуть не каждая с такой же бумажкой, как у тебя. Не хочешь – не бери. В твою сторону косо никто не глянет. Все знаем, что еле управляешься.

Девочка всхлипнула во сне и Матрена покрепче прижала ее к себе, покачивая.

– Глянь-ко, в чем я эту пигалицу с крыльца забрала! – Матрена показала Капитолине туфельку. – И чулки как кружево у бабы Зины. Как не поморозилась еще!

Зинаида растолкала баб и наклонилась над мальчишками, которые спали вповалку в углу.

– На Мишаньку моего похож... Возьму его. И вот этих двоих.

Дело пошло веселее. Женщины тихонько будили детей и уводили их по домам.

– Мама! – девочка на руках Матрены вздрогнула и закричала.

– Тихо, тихо, моя рыбонька! Все хорошо будет!

Ребенок рванулся из ее рук. Поняв, что бежать ей больше некуда, девчушка разревелась.

– Ах ты, горюшко мое! Что ж ты плачешь, маленькая?

– Павлиииик... – малышка тянула руки к ребятам, которые столпились в другом углу избы.

– Павлик? Кто такой? – Матрена повернулась к мальчишкам.

– Это я. Она моя сестра.

Невысокий ладный паренек шагнул к печке, и девочка тут же успокоилась.

– Двое вас?

– Теперь – да. Была еще сестра. Да только... в поезде она осталась.

Мальчишка опустил глаза и протянул руки к девочке.

– Куда нас теперь?

– Ко мне пойдете? Матреной меня звать, фамилия – Зотова.

Мальчик поднял глаза, и Матрена ахнула. Такой синевы она никогда не видела. Мальчишка внимательно смотрел ей в глаза и думал. Потом медленно кивнул.

– Пойдем. Спасибо!

– Как звать-то ее?

– Ниночка.

Так дом Матрены пополнился двумя новыми жильцами. После того как Матрена в семи водах отмыла их в бане, махнув рукой на смущение Пашки и вопли Ниночки, оказалось, что

кудри у девчушки точно такого же цвета, как косы у Маши, а Пашка хоть и долговязый, но худой настолько, что сквозь кожу видно каждую косточку.

– Что ж вас, совсем не кормили что ли? – подкладывала кашу по мискам Матрена. – Ешьте, никто не отберет. Маша, молочка плесни им еще.

– Кормили. – Павлик ел медленно, хотя больше всего ему хотелось проглотить эту кашу с миской вместе. Ему казалось, что ничего вкуснее он никогда не пробовал. – По норме, как положено.

Он взял нож и отрезал небольшой кусочек хлеба.

– Вот столько давали нам.

Матрена зажала рот рукой.

– Как же ж вы...

– Мама нам свой хлеб отдавала. Только я брать не хотел. А она ругалась...

– Мамка ваша...

– Нет ее. Еще до нашего отъезда не стало.

– А батя? – Маша подвинула Павлику кружку с молоком.

– А отец на фронте... был... в самом начале еще он... – Павлик заплакал, уткнувшись в сложенные на столе руки.

Ниночка, глядя на брата, заревела тоже.

Матрена покачала головой и почти силком подняв голову Павлика, заглянула ему в глаза.

– Не плачь, родный мой! Есть у вас теперь и дом, и родня. Родителей помните своих и чтите, а вот плакать не надо. Отплакались!

Матрена подошла к шкафчику и достала оттуда тряпицу, в которую был завернут сахар. Отколов несколько кусочков, она раздала его детям.

– Посластитесь! И пусть горе подождет за порогом. Не пускайте его в дом.

Дети прижились в семье Матрены. Павлик охотно брался за любую работу, помогая Матрене по хозяйству и охотно занимаясь с ребятами уроками. Маша не уставала удивляться, сколько он знает.

– Папа говорил, что нужно много читать! В знании вся сила! – Павлик объяснял Маше очередную тему, и она ахала, как легко и понятно он это делал.

– Павлик, тебе надо учителем в школе работать.

– Может быть и буду. Но, это очень много учиться надо. А негде пока.

– Ничего, сынок, вот закончится беда эта и будет все. И учиться будешь, и другим ума дашь. У тебя это хорошо получается.

Ниночка, как будто успокоившись, что больше никуда бежать не надо, неожиданно разболелась. Она металась в бреду, сгорая от жара и Матрена тихонько затеплила лампадку, которая осталась ей от бабушки.

– Помоги, Господи! Сколько вынесли эти дети... Спаси и сохрани!

Маша видела, как молится ночами мать, не отходя от кровати, где бредила Ниночка и тихонько шептала следом за ней.

– Помоги...

Почему-то ей совсем не было совестно. Мало ли, что говорили в школе. Мама всегда знала все лучше. И если она так делает, значит это точно поможет. Вот только говорить об этом никому нельзя. Это Маша знала и понимала. Когда-то бабушка сказала ей:

– Не все верят, Машутка. Кто-то считает, что Бога и вовсе нет. Только я тебе так скажу. Коль нет Его, так и волноваться нечего, а коли есть Он там, на небе, так не грех и спасибо сказать Ему, и попросить, о чем нужно. Бог ведь Он такой. Все видит, все знает. И все может. Это ты хорошо помни. А еще запомни вот что. Если ты чего просишь, да не получаешь, не спеши пенять Ему. Может не на добро просила. Мы ведь думаем по-своему, маленьким умишком, а Он-то большим. И видит дальше, и знает больше. Поняла? Я вот тебе расскажу. Была у

меня сестра. Ты ее не помнишь, давно это было, еще мамка твоя не замужем была, а махонькой девчонкой бегала. Сестра моя была красивая. Многие ее замуж звали, а только пошла она по любви. Батюшка наш ее сильно жалел и неволить не хотел. Выбрала сама, кого хотела. Да только он ее не выбирал. Уж как она молилась. Ночи на коленках стояла. Вот и вымолила себе того, кого присмотрела. Как уж там получилось, не знаю, а только позвал он ее замуж. Да только хорошего ничего там не вышло.

– Почему?

– А потому, что она его любила, а он ее – нет. Бил, издевался всяко. Троих детей она в сыру землю положила, а после и сама туда легла. Как думаешь, на добро просила?

– Нет!

– Вот и мне так кажется. Бог-то даст, а вот что делать с этим добром потом – большая задача.

Маша тогда кивала, не понимая и половины того, что говорила бабушка, но старалась запомнить каждое слово. И сейчас все это вдруг всплыло в памяти и слушая мамину молитву, Маша тихонечко добавляла:

– На добро дай, Господи!

Ниночка поправилась. Зинаида принесла последнюю оставшуюся с лета крынку с медом. Капитолина, которая была знатной травницей, меняла составы, выпаивая Нину, и охала:

– Бедное дите! Нечем ей бороться-то... Сил нет.

Вместе, сменяясь у постели, они выходили Ниночку и к весне, как только побежали ручейки по улицам, бледная, но уже окрепшая девочка садилась у окошка и смотрела, как пускают кораблики ее братья.

– Мама! Там опять! – Маша распахнула дверь и тут же ее прикрыла. Не хватало еще Ниночку застудить снова!

– Что опять, доча?

– Детей опять привезли!

– Пойдем, глянем! – Матрена привычным движением накинула платок на плечи.

За год Матрена приняла в своем доме больше двадцати ребятишек. Женщины качали головой.

– Куда столько? Как справляешься?

– А хорошо мы справляемся! Вот Федор вернется, так еще лучше будем!

Матрена лукавила. Тяжело было. Тяжело и хлопотно. Но, глядя, как укладываются спать ее дети, она улыбалась. В тепле, не голодные и кричать по ночам перестают через какое-то время. Значит страх уходит. Значит чувствуют они, что безопасно им в ее доме.

Федор вернулся. Единственный из всей деревни целый и на свои ногах. Кроме него да младшего сына Зинаиды, бумаги на которого пришли по ошибке, из мужиков в деревню не вернулся никто. Зинаида хлопнулась в обморок от счастья, а потом на радостях накрыла стол и сидела с сыном, держа его за руку чуть не до утра.

– Мама, я живой, живой! Ну, не плачь! Мы же теперь вместе! Никуда уж больше от тебя не денусь.

Федор, которому еще на станции Михалыч рассказал, что творится у него дома, сначала ошалел.

– Письма были давно. Шестерых взяла, писала.

– Так, то когда было! – усмехнулся Михалыч.

– Почта! Будь она неладна! Так сколько, Михалыч?

– Много, Степаныч, ох и много! Богатый ты теперь!

– Ну, жена, знакомь с детьми! – Федор только крикнул, увидев, какая орава теперь живет в его доме. И замолчали самые языкатые сплетницы, глядя, как шагает вереница из парней вслед за отцом по деревне.

– Экая семья знатная получилась! – улыбался в усы Михалыч, провожая взглядом Матренин выводок.

Наши дни.

– Вот, Машенька. Здесь твоя прабабушка. А это, значит, прадед. Очень хорошие люди были.

– Я вижу, бабуленька! Раз, два, три...

– Двадцать шесть. Четверо своих и двадцать два приемных. – Ниночка протерла памятник, бережно смахивая пыль с подписей под именами родителей. – Все выросли. Ни одного не потеряли. Все в люди вышли. Да ты и сама видела. Брат мой, Павлик, как и хотел учителем, стал. Мама тогда целый год копила, чтобы его на учебу отправить. В Москве учился. Если посчитать, сколько из наших по ученой части пошли, так целую школу учителей собрать можно. А все благодаря родителям. И врачи, и военных трое, и даже певица у нас есть. Да ты помнишь! Мы к тете Наде ездили в прошлом году.

– Это та, что в Оперном театре поет?

– Она. Ох, как мама ее берегла! Все мечтала услышать в полный голос. Не получилось.

– Почему?

– Ушла раньше. Болела сильно. А потом и папа вслед за ней отправился. Все говорил: «Куда я без Матренушки...»

– Бабушка, в ведь они герои...

– Конечно, родная. Все по-разному Родину защищали. Родина – это ж не только земля, это еще и люди. А дети – это тоже люди, только маленькие. Их еще людьми сделать надо. Родители наши справились! Память о них живая по земле ходит и много лет еще ходить будет. А если кто забудет, так, как мама говорила: «Позору не оберется!»

– Не забудет... – Маша тихонько погладила памятник. – Я точно не забуду. И детям своим, если они у меня будут – не дам. Такое нельзя забывать.

– Нельзя, родная, нельзя... Грех это.

– Ба, ты ж неверующая!

– Это кто тебе такую глупость сказал? – Нина возмущенно фыркнула. – Много ты знаешь!

– А если Бога нет?

– Если нет – так и переживать нечего, а если есть? Вот то-то! Мамочка моя умная женщина была.

– А как же она в Бога верила, если тогда нельзя было?

– А кто может человеку запретить душу свою править? Никто! Я сама не помню. Это Павлик мне рассказывал, как отобрала она меня у смерти своей материнской молитвой. Я перед тобой стою, значит работает это? – Маша кивнула. – Вот и мамочка наша верила, что работает. А раз она верила, то нам тоже нужно. Ей лучше знать!

Маша кивнула и глянула на фотографию на памятнике. Все старые фото, которые она видела до этого, были на один манер. Суровые лица, поджатые губы. А Матрена улыбалась. И почему-то сейчас Маша поняла, что эта женщина несла в себе удивительную силу. И имя этой силе – Жизнь.

Прими новый день

– Вера... Верочка... – Карина тихонько позвала невестку, которая стояла у окна.

За окнами догорал закат над рекой. Вид из окон квартиры открывался потрясающий. Именно из-за него Вера с Артемом и купили ее, махнув рукой на то, что рядом не было даже магазинов. Они рассудили, что через пару лет все появится, ведь район стремительно застраивался, а вот такого вида из окна больше им не найти нигде.

Силуэт Веры вырисовывался на фоне темнеющего за окном неба, и Карина видела и опущенные плечи, и изогнутую от тяжести спину, и вскинутую высоко голову. Так Вера всегда прятала слезы. Повыше поднимешь и они обратно спрячутся.

– Верочка! – Карина подошла и обняла невестку. Неловко, сбоку, чтобы не задеть большой живот, который Вера несла как самую драгоценную ношу. – Нельзя! О себе не думаешь, о ребенке подумай! – Карина ладонью вытерла слезы невестке и погладила ее по голове. Вера подняла глаза, и Карина задохнулась. – Господи! Что я несу? Прости меня, дорогая! Чем помочь мне тебе? Отдай мне хотя бы часть боли! Что хочешь? Я все сделаю! Может быть поесть хочешь? Или что-то еще?

– Спасибо! – голос Веры прошелестел еле слышно, как лист, упавший на сухой асфальт с живого дерева. – Ничего не хочу. Дети где?

– Спят. Я их уложила. Там Артур с ними сидит.

– Хорошо.

– Пойдем, я и тебя уложу. Тебе отдохнуть надо.

– Не могу, Кариночка... Думаю все время, не отпускает меня. А если бы я с ним поехала? Может быть...

– Перестань! Не вернешь и ничего не изменишь уже. Нужно идти дальше. Принять новый день. Прости, что жестко, но так и есть. Вера – дети! То, что есть здесь и сейчас. Миша с Анечкой и малыш. Старших поднять, маленького доносить и родить здоровым. Вот о чем думать надо сейчас тебе. И о себе надо! Ты у них осталась. И им сейчас нужна мама. Очень нужна, родная! Пойдем. Поспишь, полегче станет.

Вера покорно дала себя увести в спальню, и Карина уложила ее, укрыв потеплее. Когда она зашла в комнату, неся чашку чая, Вера уже лежала с закрытыми глазами.

– Уснула... Хорошо! – Карина поставила чашку на тумбочку и тихонько вышла, прикрыв за собой дверь.

Вера не спала. Она так устала от бесконечных разговоров и слов утешения, что ей хотелось, как в детстве, спрятать голову под подушку и ни видеть, ни слышать ничего вокруг. Перед глазами стоял Артем. Такой, как всегда, с неизменной мягкой улыбкой.

– Что ты, счастье мое? Почему грустишь? Не надо! Я рядом.

Не рядом... Вере хотелось кричать от безысходности. Почему? Зачем? К чему столько боли? Ведь все у них только начиналось...

Вера познакомилась с Артемом, когда приехала учиться. В ее городе не было медицинского вуза и мама, скрепя сердце дала разрешение на переезд. Брат, Максим, привез Веру, чтобы помочь с оформлением документов и заселением в общежитие.

– Нет! Здесь я тебя не оставлю! – он покрутил головой, разглядывая обшарпанные стены и оборванный карниз на окне. – Пошли!

– Куда? – Вера испуганно посмотрела на брата. Она привыкла слушаться его. Разница в возрасте с Верой почти в десять лет, рано ушедший отец и потерянная, еле оправившаяся от этого удара мама, быстро сделали из Максима главу семейства. Рано повзрослевший, он спокойно и уверенно взял на себя ответственность за «женщин». Вера стала для него самым главным экзаменом в жизни.

– Я отцу обещал!

И обещание это Максим держал со всей серьезностью. Вот и сейчас, он, не раздумывая, решил, что ему нужно делать.

– Квартиру искать будем.

– Макс, но это же дорого! – Вера еще раз огляделась по сторонам. – Тут не так уж и плохо.

– Не обсуждается.

Спустившись на первый этаж, он отыскал коменданта и спросил:

– Скажите, у вас нет, случайно, контактов каких-то тех, кто квартиры сдает? Или подскажите, куда обратиться?

Комендант, суровая женщина чуть за пятьдесят, внимательно посмотрела на Максима и Веру и неожиданно улыбнулась:

– Брат, что ли?

– Ага.

– Ясно. А чего не родители привезли?

– Мама болеет.

– Поняла. Как звать?

– Максим. А это Вера.

– Вот, что, ребятки. Есть у меня хорошая знакомая. Сдает свою квартиру двухкомнатную. Ты как насчет соседки? – комендант посмотрела на Веру, которая быстро кивнула. И повернулась снова к Максиму. – Хорошая девочка, правильная. Родителей знаю. Квартира хорошая, чистая, соседи спокойные. И от института в двух шагах. На проезде сэкономите.

– Подходит.

– Тогда пошли, адрес дам и телефон.

Максим забрал бумажку с адресом, а потом, оставив Веру сидеть на лавочке, сбегал в магазин.

– Чего придумал-то? – комендант увидела пакет в руках Максима и нахмурилась.

– Не обижайтесь! Спасибо вам огромное! Даже не представляете, как помогли мне. Страшно оставлять ее одну в чужом городе. А так, хоть немного поспокойнее будет.

– Не паникуй. Буду присматривать за девчонками. Меня и мать Карины просила. Ты мне телефон свой оставь и матери. Если что – позвоню.

Так Вера оказалась в одной квартире с Кариной. Девушки пару дней присматривались друг к другу, а потом Карине надоело, она сварила свой фирменный кофе и они, проболтав всю ночь напролет, поняли, что им очень повезло. Обе были не вредные, спокойные и страшные чистюли.

Максим исправно платил за аренду, пока Вера училась, иногда приезжая в гости то один, то с матерью. На четвертом курсе он познакомился сначала с женихом Карины, а потом и с его братом, который, приехав как-то провести будущую родственницу, увидел Веру и «пропал». Пообщавшись какое-то время с братьями, он сказал Вере:

– Хорошие парни. Смотри сама. Я одобряю.

Вера зарделась. Признаться брату, что Артем уже завоевал ее сердце было неловко, но и скрывать от него она тоже ничего не хотела. Максим и сам все понял.

– Значит будем свадьбу играть. Вера, а диплом?

Вера нахмурилась:

– Сначала диплом, а потом все остальное.

Увидев, как улыбнулся брат, она обняла его.

– Спасибо! Это все благодаря тебе!

Свадьбу играли двойную. Шумная, веселая, многолюдная, с незнакомыми Вере обычаями, которые тут же на ходу весело комментировала Карина. Принимая ложку с медом от све-крови, Вера услышала:

– Добро пожаловать в семью, доченька!

Вера быстро запуталась в родственниках, которые бесконечным потоком шли с подарками и поздравлениями и беспомощно поглядывала на мужа, который рассмеялся и, поцеловав ее тонкие пальцы, сказал:

– Подожди, со всеми перезнакомишься позже.

Так и случилось. Вера быстро поняла, что такое семья в понимании ее новых родственников. Поселившись в маленькой однокомнатной квартирке после свадьбы, они две недели блаженствовали. И первый раз Вера, открыв дверь на неожиданный звонок, изумленно открыла рот.

– Привет, Вера! Принимай! Бабушка Наринэ передала.

Дальний родственник мужа занес в квартиру ящик с фруктами и тут же уехал.

– Артем! Что это?

– Привыкай! – рассмеялся муж, обнимая Веру. – Это нормально.

Как потом оказалось – да. Сухофрукты, мясо, сыр и прочие гостинцы везлись постоянно. Вера иногда даже не понимала от кого это, но постепенно привыкла и к подаркам, и к тому, что в любой момент мог приехать кто-то из родственников. Свекровь научила ее готовить национальные блюда и рассказала, что и как держать в холодильнике, чтобы не ударить в грязь лицом и быстро накрыть на стол, если вдруг приедут гости.

Вера долго привыкала к тому, что, войдя в семью мужа, она стала «своей» моментально и без всяких условий. И когда заболела мама – были подняты все родственные связи, найдены лучшие врачи и лекарства. А, когда ее все же не стало, беременную Веру, которая ждала своего первенца, ни на секунду не оставляли одну. И когда уехал в Москву Максим, которому предложили там хорошую работу, свекровь сказала Вере:

– Не волнуйся! Мы о тебе позаботимся.

Вера не волновалась. Видя помощь и поддержку со всех сторон, она была совершенно спокойна. Уже через год после рождения первого сына она вышла на работу, стремясь наверстать упущенное. В няньках недостатка не было. Свекровь и многочисленные тетушки с удовольствием нянчились с малышом, стоило только попросить.

– Это же радость моя! Жизнь моя! – Ануш целовала внука и отмахивалась от благодарностей.

Вера спокойно уходила на работу, зная, что с ребенком все будет в порядке.

– А я хочу большую семью! – Артем целовал макушку жены, которая склонилась над последними статьями по педиатрии.

– И я хочу! Но, и работать тоже хочу. Как быть? – Вера смеялась, глядя на мужа.

– Нужен план!

– Давай!

И они планировали. А потом осуществляли свои планы. Так появилась на свет дочь, названная в честь бабушки, которая чуть с ума не сошла от счастья. Незадолго до того, как Вера призналась ей, что ждет второго ребенка, Ануш узнала, что больна. Карина с Верой не отходили от нее ни до операции, ни после. И выйдив, поочередно вручили ей новых внуков. Вера – Анечку, а Карина – Арсена.

А потом была куплена новая квартира, о которой так мечтали Артем с Верой, ведь в старой им было уже совсем тесно с детьми. И, едва устроившись на новом месте, Верочка с радостью сообщила мужу, что его мечта о трех детях скоро станет реальностью.

И все это оборвалось в один миг. Глупо и страшно. Артем остановился на светофоре в нескольких кварталах от дома и в его машину влетел грузовик, у которого отказали тормоза. Первым о том, что случилось узнал Артур и Карина испуганно ахнула, увидев побелевшее лицо мужа.

– Что?

– Артем... К Вере надо... Карина, сейчас надо, быстро, пока ей не сказали.

Карина не стала задавать лишних вопросов. Вытащив из кровати захныкавшего сына, она сунула ноги в кроссовки и схватила ключи от машины.

– Артурчик, а Артем? Он...

Муж покачал головой, Карина всхлипнула и выскочила из квартиры. Смахивая слезы, она вела машину по вечернему городу, крича про себя от бессилия и пытаясь успокоиться. Ей нужно взять себя в руки. Она нужна Вере.

Вера открыла дверь невестке и удивленно подняла брови.

– Каринка? Что это ты на ночь глядя?

– Верочка... – Карина смотрела на светлое спокойное лицо Веры и не решалась сказать той, что жизнь ее только что-то изменилась. – На, держи! – Карина сунула ей в руки трехмесячного племянника и закрыла за собой дверь.

Пока Вера возилась с малышом, Карина сумела все-таки взять себя в руки.

– Дети где?

– Мультик смотрят перед сном.

– Это хорошо! Погоди минуту.

Карина отнесла сына в детскую и, уложив его в кроватку, приготовленную для будущего малыша, вернулась.

– Сядь, Верочка, поговорить надо.

Через минуту Карина захлопнула дверь кухни и кинулась приводить Веру в чувства.

– Ну же, Верочка, давай!

Вера открыла помутневшие глаза и зашлась в плаче.

– Нет! Не верю! Не может такого быть!

Карина только крепче обнимала ее, качая на руках, как маленькую.

Через полчаса в квартире было не протолкнуться. Все говорили шепотом, чтобы не разбудить уснувших детей, которых караулила Ануш.

Она первой из родственников вошла в квартиру, обняла Веру и, тут же отстранив ее от себя, сказала:

– Не смей плакать! Береги дитя!

Зайдя в комнату к детям, она опустилась на стул у кровати старшего внука и застыла, глядя в одну точку.

Скорая, которую все-таки вызвала Карина, приехала быстро, но уколы, которые они сделали, на Веру не действовали. Она металась по спальне, не находя себе места.

– Вера! Верочка! Перестань! Срок не тот. Рано тебе. Да и детям ты сейчас очень нужна.

– Как?! Как мне сказать им, Карина?

– Утром подумаем. Ложись.

– Максиму позвонить надо...

– Уже. Летит. Потерпи пару часов.

Максим, который вылетел первым же рейсом, и спешил как мог, подхватил сестру на пороге и прижал к себе.

– Маленькая, я здесь!

Вере как будто дали команду, и она отключилась, а Карина, наконец, выдохнула.

– Отнеси ее в спальню. Пусть поспит. Завтра тяжелый день. Может и нужно было ее отправить на сохранение?

– Не знаю, Карина. Она же там разнесет все и сбежит. Давай утром посмотрим.

Утром Вера напугала всех. Ни одной слезинки, ни одной эмоции не выдала она за оба страшных дня, которые последовали за аварией. С сухими глазами, с почерневшим от горя лицом, она проводила мужа, крепко держа за руку старшего сына.

– Даже не плачет... – Ануш Арамовна смотрела на невестку и качала головой.

– Не надо, мама, не суди ее. У каждого свой предел прочности. Лишь бы не сломалась сейчас, лишь бы выдержала. – Артур обнял мать и кивнул жене, которая принесла стаканчик с очередной порцией валерьянки.

– Не хочу! – Ануш оттолкнула руку невестки. – Не могу больше!

Вернувшись вечером в пустую квартиру, Вера уложила детей и спросила у Карины:

– Теперь можно?

Вопрос этот прозвучал так по-детски беспомощно, что Карина не стала крепиться, а разрыдалась вместе с невесткой. Так и просидели они почти всю ночь, то разговаривая, вспоминая все, что было хорошего, то молча, держа друг друга за руки.

Наутро Максим спросил у Веры.

– Может быть хочешь со мной поехать? Я все организую. Квартира стоит свободная, ты знаешь.

После того как не стало матери, Максим продал все, что осталось им с Верой в наследство и посоветовавшись с Артёмом и сестрой, купил квартиру в Москве. Сам он жил в служебной, а эту сдавал, высылая Вере деньги от сдачи.

– Мне ни к чему. Я один. А ты себе что-то купи и детвору побалуй.

Вера, словно очнувшись, посмотрела на брата и покачала головой.

– Останусь. Рядом хочу быть. Да и рожать скоро. Здесь Карина, Ануш, они помогут, если что.

– Смотри сама. Я в любое время готов забрать тебя и детей и заботиться о вас.

– Макс, я знаю. Но, я хочу, чтобы ты и о себе позаботился тоже. Такой мужчина как ты и до сих пор один. Ну, как так можно? – слабое подобие улыбки промелькнуло и тут же погасло на лице Веры.

– Не один уже, Верочка. Не успел тебе сказать.

– Хоть какая-то радость. Расскажи мне о ней.

Карина заглянула в комнату и с облегчением выдохнула. Если разговаривает с братом, не плачет, уже хорошо. Она знала, что Максим вечером уедет и собралась было уже съездить домой за нужными вещами, как в дверь позвонили.

– Мама? – Артур с удивлением смотрел на мать, которая стояла с чемоданом на пороге.

– Что ты так удивился? Я нужна внукам. Поживу здесь.

Ануш кивнула сыну на чемодан и вошла в квартиру.

Спустя две недели Вера поняла, что ее жизнь стала походить на какую-то гротескную сказку. Такую мрачную, безрадостную, где отовсюду торчат корявые ветки и злые слова.

– Верочка, о чем ты думаешь? Время – семь утра, скоро дети встанут, а ты до сих пор спишь? Чем кормить будешь моих внуков?

Так начинался теперь каждый ее день. Ануш Арамовна полностью взяла Веру с детьми под свой контроль. Вере казалось, что она движется только благодаря тому, что на нее все время покрикивают.

– Встаю, мама. – Вера с трудом отрывала голову от подушки.

Ануш, выходя из комнаты, бормотала себе под нос:

– Мама... Артему я была матерью, детям его буду, а ты мне кто? Чужая, совсем чужая...

Она злилась на невестку. Из того, что случилось, из-за отказа Веры переехать в дом Ануш.

– Что тебе не так? Дом, сад, помощь! Внуки мои со мной будут все время. Сколько злости в тебе, что не даешь нам утешения!

Вера пропускала упреки мимо ушей, помня, как помогала ей свекровь с мамой и детьми.

– Не могу я оставить дом. Мы здесь с Артемом жили. Пока я здесь, мне кажется, что он рядом. Что хранит своих детей.

– Кажется ей... – Ануш недовольно морщилась, но сворачивала разговор.

Муж, которому она жаловалась, не поддержал ее и приказал оставить Веру в покое. Не посмеяв послушаться, она старалась хоть как-то повлиять на решения невестки. Пусть с помощью упреков. Что с ней делается? Главное же результат. Дети будут рядом, а с ней потом можно и расстаться. Но, это потом, когда младшенький подрастет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.